

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

С е р г е й Д о н с к о й

**ЖИВЕШЬ
ТОЛЬКО ТРИЖДЫ**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской

Живешь только трижды

«Автор»

Донской С. Г.

Живешь только трижды / С. Г. Донской — «Автор»,
— (Капитан ФСБ Евгений Бондарь)

Кавторанг Малютин дезертировал с подводной лодки да еще прихватил с собой сверхсекретный прибор «Флексадром», чтобы продать его иностранной разведке. Изловить его поручили не кому-нибудь, а самому крутому спецу ФСБ капитану Бондарю, которого сослуживцы называют «наш Джеймс Бонд». Но как только он вышел на кавторанга, оказалось, что за ним стоит Служба безопасности Украины, которая тоже не прочь заполучить прибор в свои руки. А ей уже перешла дорогу преступная группировка, нанятая иностранной разведкой. Вот и попал Бондарь в заваруху: с одной стороны, сотрудники чужой спецслужбы, с другой – вооруженные до зубов бандиты...

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Донской

Живешь только трижды

Знаете, когда я слышу выражение «умывать руки», мне сразу кровь представляется. Много крови... Поначалу я здорово комплексовал по этому поводу. Ногти до мяса срезал – все мерещилось, что запекаясь кровь под ними остается. А мой командир, царство ему небесное, как-то приметил и говорит: э, кончай дурью маяться. Представь, говорит, что ты хирург. Я ему в ответ: они, хирурги, в перчатках, им по барабану, что руки по локоть в крови. А он мне: на то они и доктора. У нас, говорит, такой привилегии нету. Подумал-подумал и закончил: хотя, брат, занимаемся мы одним делом. Вскрываем, значит, и удаляем на хрен. Такие дела...

*Застольная речь
офицера спецназа ФСБ*

Глава 1

Таможня дает добро

Самолет медленно снижался, кренясь на левое крыло. Лица пассажиров непроизвольно напряглись, будто они находились на борту тонущей субмарины. Облака, искаженные стеклами иллюминаторов, походили на пенистые гребни чудовищных волн, готовых поглотить серебристый «Ил-86».

Вылетев из Москвы в 11.30, он провел в воздухе ровно два часа, но, по гениальной задумке дерзновенных украинских умов, пассажирам предстояло приземлиться в Симферополь не в 13.30, а в половине первого дня. Таковы были причуды местного летнего времени. В борьбе за самостоятельность украинцы опередили всех братьев славян на целый час, хорошо еще, что без гака.

Насчет гака высказался сосед и напарник Бондаря, неугомонный Костантин Кардаш. Вот уж у кого язык без костей! Парень использовал любую возможность, чтобы затеять разговор о чем угодно, отдавая предпочтение забавным, на его взгляд, сторонам жизни. Когда Бондарь решительно заявил, что терпеть не может фривольные анекдоты и байки из жизни спецназовцев, напарник сменил тактику, принявшись зачитывать отрывки из дурацкого шпионского романа, взятого в дорогу. Вот и теперь, как бы не замечая, что Бондарь старательно притворяется спящим, он бесцеремонно толкнул его локтем в бок:

– Нет, ты только послушай, что тут пишут!

– Опять кого-нибудь прикончили с помощью шляпы? – проворчал Бондарь, неохотно открывая глаза.

– Дело не в шляпе, – заверил его Костя. – Прикинь, летит, значит, Джеймс Бонд через океан с этим... – Костя заглянул в книгу, – с атташе-кейсом, напичканным аппаратурой и оружием, а его даже не обшмонали в аэропорту. Вот раньше были времена! Я просто балдею...

– Наверное, – предположил Бондарь, – дело происходило задолго до всеобщей борьбы с международным терроризмом.

– Вот я и говорю – раздолье было для нашего бра... – Перехватив предостерегающий взгляд Бондаря, Костя поспешил поправиться: – *Для разных там шпионов*. Лично мне про них ничего не ведомо, но я так полагаю, что для них тогда сплошная лафа была. Летишь себе, значит, покуливаешь прямо в салоне... вернее, английский шпион по имени Джеймс Бонд

летит... а при нем под видом ручной клади волшебный чемоданчик. Его спецы перед полетом ободрали как липку, а потом...

– Бонда ободрали? – любопытствовал Бондарь.

– Да нет, чемоданчик, – ответил Костя, на всякий случай сверяясь с текстом. – Короче, сняли кожу, замки, ручку, все дела. Между наружной обивкой и изнанкой уложили полсотни патронов калибра шесть тридцать пять, а по торцам присобачили метательные ножи. Нажимаешь пипочку на углу, бац! – выскакивает лезвие.

– Не хотел бы я с таким портфелем в общественном транспорте ездить. – Бондарь покачал головой. – Женщины за порванные колготки глаза выцарапают. Линчуют на месте.

Костя фыркнул:

– На всякий пожарный случай в ручке кейса таблетка цианистого калия припрятана.

– Тогда лучше бы твой охрененно секретный агент отравился в первой же главе и не морочил людям головы, – сказал Бондарь, привалившись к обшивке самолета со скрещенными на груди руками.

В своей простой белой рубаше и черных брюках он напоминал провинциала, которому нечасто доводится летать самолетами, тем более на Черноморское побережье. Однако это обманчивое впечатление рассеивалось, как только Бондарь переставал напускать на себя сонный вид и становился самим собой. Каждое его движение было четким, выверенным до миллиметра, а прищур серо-голубых глаз был внимательным и пристальным, словно они смотрели на мир поверх невидимого прицела. Одного холодного взгляда Бондаря было достаточно, чтобы осадить любого зарвавшегося собеседника, но на Костю это не действовало. Пошуршав немного страницами, он опять принялся за свое:

– Не пойму только, какой дурак станет травиться, когда он упакован по высшему разряду? – Костин вздох прозвучал совершенно по-детски. – В тубике с кремом для бритья припрятан глушитель для пистолета, в нессе... в нессере пистолет нехилый. А главное, в крышке чемоданчика хранятся пятьдесят золотых sovereignов... Это много или мало?

– Хренова гора денег, – пробормотал Бондарь, устало сомкнув веки.

– Не то что у нас с тобой, – посетовал Костя.

– Завидуешь?

– Как же не завидовать?

– А ты представь, что чемоданчик у шпиона сломался и он вынужден таскать все свое барахло в карманах. Пистолет с глушителем, ножи, патроны, золотые монеты... Вот тебе и супершпион на тайной службе Ее Величества.

Костя подумал-подумал и затрясся от смеха. Веселиться ему было все равно, что с горки катиться.

Честно говоря, Бондарь не слишком одобрял выбор руководства, прикрепившего к нему столь легкомысленного напарника. Но Управление контрразведывательных операций ФСБ России – не то учреждение, где принято обсуждать приказы. Бондарю было известно это не понаслышке. Будь он хоть чуточку поговорчивее и полаяльнее к начальству, давно бы ходить ему с майорскими погонами, но он был таким, каким был, так что присвоение очередного звания оставалось под большим вопросом. Впрочем, карьерист из Бондаря был никудышный и, что самое странное, осознание этого факта не портило ему ни аппетит, ни сон.

Открыв глаза, он не удержался от судорожного зевка. Судя по синхронно открывающимся ртам большинства пассажиров, у них, как и у него, заложил уши. Двигатели загудели в новой тональности. Провалившись сквозь тройной слой облаков, «Ил» завис над неправдоподобно синим морем, окаймленным столь же неправдоподобно зеленым побережьем.

– Вот мы и на месте, – оживился Костя. – Сто лет не был в Крыму, веришь?

Покосившись на него, Бондарь заметил:

– Пока что мы не в самом Крыму, а только *над* Крымом.

– Это меняет дело?

– Еще как. Древняя украинская мудрость гласит: «Нэ кажи гоп, докы нэ пэрэстрыбнэш».

– Что это значит?

– Это значит, что местные вояки могут запросто шарахнуть по нам ракетой, а потом скажут, что их хата с краю. Прецеденты были.

– Были, – согласился Костя, вспомнив израильский пассажирский самолет, сбитый над Черным морем. – Только президент Украины тогда не про хату сказал...

– Он сказал: «Нэ трэба робыты з цього трагэдию», – процитировал Бондарь по памяти. – Перевести?

– А чего тут переводить, все и так ясно...

Беззаботная улыбка исчезла с Костиного лица.

Этого Бондарь и добивался. Пора было настраиваться на серьезный лад. Они ведь не загорать в солнечном Крыму собирались, а работать. Проводить совместную операцию, разрабатанную их ведомствами. Неунывающий балагур и зубоскал Костя Кардаш из спецназа Главного разведывательного управления и капитан Бондарь, представляющий интересы ФСБ.

Таким образом, оба являлись самыми настоящими секретными агентами, хотя им никогда не доверяли атташе-кейсов, набитых золотыми сокровищами. Оружия при них тоже не было, зато каждый имел при себе безупречные документы, у Бондаря они были выписаны на фамилию Стрельцов. Бондарю было не привыкать выдавать себя за кого-то другого, хотя положить руку на сердце он не верил в возможность сохранения конфиденциальности в обстановке глобальной слежки за всеми.

К примеру, совсем недавно он побывал в Астрахани под видом невинного орнитолога, и разве это уберегло его от неприятностей? Задав себе этот риторический вопрос, он закрыл глаза. Гул самолета позволял без труда представить себе милое личико астраханской стюардессы Фатимы, благодаря которой Бондарь познакомился с ее отцом, Ринатом Асадуллиным.

Благодаря, хм... Уместно ли это выражение в данном случае, учитывая, что в результате их встречи Фатима осиротела, а Бондарь взял на душу очередной грех, которых за ним и без того водилось чересчур много?

Стоило ему задуматься на эту тему, как его похолодевшие внутренности ухнули вниз, повторяя маневр самолета, снизившегося сразу на пару сотен метров. Облачная пелена исчезла, открывая взору раскинувшийся внизу ландшафт, кажущийся игрушечным, вылепленным из цветного пластилина. Стали различимы рельефные холмы, островки зелени, ниточки дорог с букашками машин, нагромождение домиков и даже рябь на безбрежной морской глади. Хотя это вполне могли быть самые настоящие волны. Самолет находился еще довольно высоко.

В проходе появилась стюардесса в строгом фирменном костюмчике, плохо вязавшемся с ее почти интимным пришепетыванием:

– Наш воздушный лайнер авиакомпании ОАО «Аэрофлот – Российские авиалинии», рейс Эс-Ю сто девяносто девять, готовится совершить посадку в Симферополе. Просьба пристегнуть ремни и воздержаться от курения...

«Можно подумать, что до сих пор пассажирам позволялось дымить напропалую», – раздраженно подумал Бондарь, успевший истосковаться по сигарете. Места в салоне так называемого эконом-класса обошлись ему с Костей примерно в двести пятьдесят долларов, и за эти деньги они не получили никаких привилегий, кроме законного права безвылазно томиться в своих креслах на протяжении двух долгих часов.

Ближних соседей у них не имелось ни спереди, ни сзади. Салон самолета был заполнен на две трети, не больше. Это раньше отдых в Крыму приравнивался чуть ли не к путешествию в жаркие страны. Теперь же все больше россиян предпочитало проводить отпуска в Турции, Греции или в еще более экзотических краях. Крым перестал быть таким уж привлекательным

местом отдыха из-за участвовавших тревожных сообщений о грядущем разделе Черноморского флота, бесчинствах татарских экстремистов, учениях НАТО...

Стюардесса, конечно, щебетала не об этом, а о вещах, представлявшихся ей куда более важными. Когда она сообщила температуру воздуха за бортом, Костя недовольно пробурчал:

– Лучше бы сказала, какая температура на земле.

– Градусов тридцать пять в тени, – предположил Бондарь.

– Шутишь? Быть того не может. Мы ведь не в Африке.

– Но и не в Серебряном Бору.

– Черт! – Костя откинулся на спинку сиденья. – Ну почему это каждая горячая точка, куда меня посылают, расположена в самом настоящем пекле? – В его тоне сквозило неподдельное уныние.

– Во-первых, в Антарктиде нашему брату делать нечего, – тихо заметил Бондарь. – Во-вторых, Крым пока что не горячая точка и, надеюсь, никогда таковой не станет.

– Нашими молитвами...

– Нашими стараниями.

* * *

К тому моменту, когда был подан трап и пассажиров пригласили на выход, напарники успели немного размять кости и избавиться от воздушных пробок в ушах. Акклиматизация прошла успешно, хотя, спустившись на бетонное поле, Бондарь и Костя почувствовали себя так, будто их накрыли душным пледом, оглушили раскаленной кувалдой, а потом еще ошпарили кипятком.

Было так жарко, что многие из пассажиров хватали воздух широко открытыми ртами, мало чем отличаясь от рыб, вытасненных из воды. Не ощущалось ни малейшего ветерка.

– Ну и жарница, – пожаловался Костя, рубаха которого успела покрыться влажными пятнами. – Яйца на солнце печь можно, как в Таджикистане, веришь? Однажды мы с ребятами...

– Легче на поворотах, – произнес Бондарь, почти не разжимая губ. – Мы обычные руссо туристо, облик морале. И если уж ты затеял разговор о яйцах, то мы прибыли сюда исключительно для того, чтобы греть их на крымском солнце. Так что наслаждайся.

– Уже, – пропыхтел Костя. – Наслаждаюсь на всю катушку. Это ведь такой кайф, когда тебя поджаривают на сковороде живьем.

– Ты предпочитаешь поджариваться мертвым? – вкрадчиво поинтересовался Бондарь.

– Я предпочел бы уйти из жизни в свежемороженом виде.

– Если ты не научишься держать язык за зубами, то твоя мечта вскоре сбудется. – Голос Бондаря упал до приглушенного шепота. – Давай, вспоминай во всеуслышание Таджикистан, Афган, Ирак. Тебе ведь есть чем похвастаться, верно? А посторонних ушей вокруг хватает.

– Извини, командир. Молчу.

Костя действительно закрыл рот, хотя было заметно, что он еще не выговорился до конца. И что его недавнее предвкушение крымских каникул начало сменяться самым мрачным пессимизмом.

Бондарь не стал его разубеждать. Уж лучше пусть молчит и дуется, чем треплется без конца. Боевой офицер спецназа ГРУ, он должен свыкнуться с мыслью, что внешне мирная обстановка таит в себе массу опасностей. Кому это знать, как не Бондарю, капитану оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ. Если Костя не доверится его опыту, то их совместная миссия завершится слишком рано. А ведь за ее провал придется отвечать собственными головами. Головами, принадлежащими в настоящий момент сугубо штатским лицам – двум гражданам Российской Федерации, находящимся на территории независимой Украины. Настолько независимой, что никто тут не станет церемониться с парочкой

москалей, утративших бдительность. Вступаться за них некому. Или пан, как говорят на Украине, или пропал. Что касается Бондаря, то ему пропадать определенно не хотелось, несмотря на одурачивший зной.

К тому моменту, когда гомонящая гурьба пассажиров ввалилась в прохладное здание аэровокзала, все они смахивали на группу грешников, проделавших ознакомительную экскурсию в аду. Но их мытарства только начинались. Потому что теперь за них взялись симферопольские таможенники, настырные как черти.

К их неподдельному огорчению, с документами у русских был полный порядок, не придерешься. Бондарь и Кардаш имели на руках самые обычные гражданские паспорта, помеченные штампами на второй странице обложки. Сим удостоверялось, что они действительно прописаны на территории Российской Федерации, так что платить взятки в размере ста баксов не намерены. Их общий багаж весил значительно меньше пятидесяти килограммов, ликероводочных изделий они при себе не имели, а что касается наличия порнографии, оружия или наркотиков, то в этом плане они тоже не представляли собой никакого интереса. Тогда таможенник почесал затылок и задал самый каверзный вопрос, на который был способен:

– Иностранная валюта имеется?

Изъяснялся он, кстати, на чистейшем русском языке, как подавляющее большинство крымчан. Что не мешало ему относиться к гостям из Москвы с настороженностью, граничащей с враждебностью.

– Имеется, – заверил таможенника Костя.

– Предъявите. – В устремленных на него глазах зажглись алчные огоньки.

– Пожалуйста.

На стойку легли две невзрачные стопки гривен, украшенных ликами ясновельможных князей, усатых гетманов и не менее усатых кобзарей.

– Какая ж это иностранная валюта? – искренне огорчился таможенник.

– Для нас иностранней не бывает, – изрек Костя, за что удостоился сразу двух испепеляющих взглядов. Один из них принадлежал Бондарю, неодобрительно наблюдавшему за напарником.

– Не лезь на рожон, – процедил он, когда их скромная наличность была пересчитана и они были отпущены с миром. – Это очень зловоредный и непредсказуемый народ.

– Ты имеешь в виду хохлов?

– Таможенников, Константин, только таможенников, – ответил Бондарь.

– А что они нам могут сделать?

– В принципе ничего. Но дразнить гусей не надо, уяснил?

– Нет, – простодушно признался Костя. – О ком мы толкуем? О хохлах, таможенниках или все-таки о гусях-лебедях?

Хотел Бондарь сказать ему пару ласковых, но тут их окружила шумная толпа квартирсдатчиков, предлагавших немедленно отправиться хоть в Алушту, хоть в Алупку, на выбор. Путешественники стремились в город-герой Севастополь, и проживание в частном секторе их не прельщало, но прошло не менее пяти минут, прежде чем удалось втолковать это назойливым домовладельцам. А затем на двоих москвичей накнулись местные таксисты, готовые доставить их хоть к черту на кулички.

– Куда едем, молодые люди? – распинались они, стараясь перекричать друг друга. – Едем куда?

– Уже приехали, – успокаивал их Бондарь, а Костя молча рассекал толпу плечом, сопя, как медведь, окруженный сворой собак.

Вырвавшись наконец на открытое пространство, Бондарь отметил про себя, что рубаха напарника смахивает на тряпку, которой вытирали испарину со лба великана. Его собственная рубаха тоже постепенно теряла свежесть.

Солнце, отражаясь от каменных поверхностей, слепило глаза. Прикрывая их ладонью, Бондарь окинул взглядом площадь. Нужная машина стояла вдалеке, давая понять, что ее водитель не намеревается конкурировать с местными таксистами. Это была алая «Ауди» с севастопольскими номерами. До нее было метров сто, но Бондарь не спешил преодолевать их, хотя стояние на самом солнцепеке не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Он достал пачку «Монте-Карло» и поставил сумку на полурасплавленный асфальт.

– Чего мы ждем? – поинтересовался Костя, пристраивая свою сумку рядом.

– Автобус, – ответил Бондарь, прикуривая сигарету. После трех затяжек ее следовало выбросить и вставить в рот новую.

– Ты хочешь меня доконать? – спросил Костя, не веря своим ушам. – Мы там задохнемся к чертовой матери. Это же настоящая душегубка!

Отправив дымящуюся сигарету в урну, Бондарь пообещал:

– Ладно, попытаюсь смягчить нашу участь. При условии, что ты помолчишь хотя бы минуту.

Вторую сигарету следовало докурить до самого фильтра, и он делал это с наслаждением. Покосившись на выпускаемый им дым, Костя демонстративно отвернулся, но пауза продлилась недолго.

– Эй, смотри, – воскликнул он, трогая Бондаря за рукав. Его взгляд, устремленный на газетный киоск, светился мистическим ужасом. – Нет, ты только посмотри на это!

– В чем дело? – насторожился Бондарь.

– Они нам в отместку за дамбу на Тузле Крымский перешеек перекопали, что ли?

– С чего ты взял?

– Обрати внимание. – Костя не поленился приблизиться к киоску, чтобы ткнуть пальцем в заинтриговавшую его газету. – Называется «Остров Крым», смекаешь? Когда это они успели заделаться островитянами?

– Дурное дело нехитрое, – проворчал Бондарь, умолчав об одноименной книге Аксенова.

Костя и без того достал его своим шпионским романом, а ведь Бондаря направили в Крым не для того, чтобы устраивать литературные диспуты или заполнять пробелы в Костином образовании. Поэтому, хорошенько затянувшись напоследок, он выбросил окурочек и зашагал к сверкающей на солнце «Ауди».

Напарник, как и следовало ожидать, последовал за ним неотступной тенью. К несказанному облегчению Бондаря, это была настолько же молчаливая, насколько обескураженная тень.

* * *

Выбравшийся им навстречу водитель был мокрым, как будто только что искупался одетым, хотя пахло от него не чистотой и свежестью, а совсем наоборот. Ничего удивительного. Согласно инструкции, бедолага прибыл в аэропорт за полчаса до посадки самолета из Москвы и все это время провел в машине, которая успела превратиться в подобие духовки на колесах. И все же он нашел в себе мужество приветливо улыбнуться. Снова согласно полученным инструкциям. Которые, как подозревал Бондарь, парень успел проклянуть раз сто, не меньше.

– День добрый, – поздоровался он.

– День добрый, – произнес Бондарь с ответной улыбкой на бронзовом от загара лице.

Их влажные ладони чуть не слиплись при рукопожатии.

– Господин Стрелецкий? – Губы парня разошлись чуть шире, обнажая пару дополнительных боковых зубов, не таких белоснежных, как передние.

– Стрельцов, – поправил его Бондарь. Это была ложь чистой воды, но именно такая фамилия значилась в его паспорте, о чем встречающий был прекрасно осведомлен.

– Извините, бога ради, – заученно произнес он.

– Ерунда, – отмахнулся Бондарь, подводя черту под затянувшимся обменом любезностями.

Теперь они оба знали, что их встреча не случайна и они могут доверять друг другу. Собственно говоря, в задачу парня входило лишь доставить двух москвичей в Севастополь и передать им конверт с документами. Содержимое конверта не являлось секретом для Бондаря. Пять тысяч долларов на непредвиденные расходы, кое-какие бумаги. Ничего более интересного парень предложить приезжим не мог, да и не порывался. Было заметно, что ему не терпится избавиться от обузы и помчаться принимать душ. Никаких других желаний в его глазах не читалось.

– Поехали? – предложил Бондарь, заныривая в душную иномарку.

Воодушевленный его примером, парень занял свое место за рулем. Последним в «Ауди» втиснулся Костя, шипя, словно закипающий чайник.

– С ветерком, ладно? – почти умоляюще попросил он, опуская стекло.

Бондарь мечтал о том же самом, потому что кондиционера в машине не было и дышалось в ней примерно так же, как в багажнике, где покоились сумки с вещами.

– С ветерком не получится, – тоскливо сказал парень, трогая «Ауди» с места.

Бондарю показалось, что он слышит, как отрываются резиновые лоскуты от покрышек, прикипевших к асфальту. Жаркое лето выдалось в Крыму.

– Почему не получится? – возмутился Костя, стараясь заглотнуть как можно больше горячего воздуха, врывающегося в открытые окна. – Мотор не тянет?

– ДАИ, – коротко сказал водитель с таким видом, будто произнес самое страшное на свете проклятие.

– Дои? Кто кого доит, не понял? – Костя смахнул со лба пот, норовивший залить ему глаза.

– Доят нас. Державна автоинспекция. Гаишники по-вашему, – пояснил водитель, выруливая на оживленную магистраль. – В Крыму их как собак нерезаных. Это не считая «экологов».

Пока «Ауди» неспешно продвигалась в правом ряду, не рискуя обогнать пыхтящий впереди самосвал, приезжие узнали много любопытного о безопасности дорожного движения в Крыму. Оказывается, водителей тут «доят» не только обладатели полосатых жезлов, но и всяческие подозрительные личности, машущие зелеными или красными квадратами, а также треугольниками и кружками – чем кому вздумается. Импровизированные посты размещаются в самых неожиданных местах, причем грабители с большой дороги не обделяют вниманием даже едущих по противоположной стороне. Это жулье блюдет не столько порядок, сколько какую-то мифическую «экологию», или «чистоту атмосферы». Документы, попавшие в руки одному из таких «экологов», возвращаются владельцу лишь за определенную мзду. Поводом для придиорок могут стать недостаточно тщательно вымытые колеса и даже пятна от мошкар на лобовом стекле. Беспокоит «экологов» также состав выхлопных газов из вашей тачки, и можете быть уверены, что содержание СО окажется у вас впятеро выше нормы – они это за версту чувят.

– А ты не останавливайся, – посоветовал Бондарь, меланхолично любуясь проплывающими мимо пейзажами.

– А я и не останавливаюсь. – Голос водителя был замогильным. – У меня таких денег нет, чтобы на каждом посту двадцатку дарить.

– Это сколько в рублях выходит? – спросил Костя.

– Около столыника. – Стоило Бондарю присвистнуть, как парень бросил на него осуждающий взгляд и проворчал: – А вот этого не надо, примета плохая. И пристегнитесь, пожалуйста.

– Все же решил поддать газу? – обрадовался Бондарь.

– Нет. Просто у нас штрафуют за пристегнутые ремни. И за наезд на треугольные разметки перекрестка штрафуют. И за обгон «даишников» тоже. И за превышение скорости хотя бы на пару кэмэ. – Водитель ударил кулаком по рулю. – Идешь по магистрали под сто, а за

кустом – вжик! – знак ограничения скорости, а за следующим кустом прячутся эти паскуды с радаром.

– Тебе бы поменять гражданство, братишка, – посочувствовал Костя.

– Еще предложите по здешним дорогам с российскими номерами кататься. – Смех парня был невеселым. – Тогда каждая поездка из Севастополя в Симферополь будет обходиться мне в полсотни баксов.

Тут Бондарь вспомнил, что за свои скромные услуги этот тип получил от ФСБ раз в десять больше, и чувство жалости умерло в том самом закутке его души, где только что успело зародиться.

– Ты должен мне кое-что передать, – сухо напомнил он.

– Ах да. Возьмите.

Завладев протянутым конвертом, Бондарь бегло пересчитал доллары, сунул их в карман и принялся изучать письмо.

– Что пишут? – полюбопытствовал Костя.

– Вечером встречаемся с портным, – рассеянно пробормотал Бондарь.

– Что за птица?

– Самый обыкновенный портной, который снимет с нас мерки.

– Зачем? – удивился Костя.

Это был удобный случай припомнить ему цитирования дурацкой книжонки, продолжавшиеся на протяжении всего полета.

– Чтобы сшить два однобортных темно-синих костюма из легкой шерсти, подобрать белые рубашки и галстуки соответствующей расцветки, – деловито пояснил Бондарь.

– Какие костюмы, ты что, командир?! – ужаснулся Костя. – И на кой черт нам понадобились галстуки?

– Не в задницу же втыкать специальные булавки с микрофонами, верно? И замшевую кобуру поверх рубахи не нацепишь, так что придется попотеть в костюмах.

– Издеваешься?

– Просто удовлетворяю твое любопытство. Ты ведь этого хотел?

Осознавший свою оплошность Костя уставился в окошко, а Бондарь вернулся к чтению письма.

Текст был отпечатан на фирменном бланке местного турагентства «Ахтиар». Из него следовало, что руководство фирмы предлагает двум московским партнерам, господину Стрельцову и господину Кардашу, провести в Севастополе несколько незабываемых дней с целью упрочения дальнейшего сотрудничества. Для гостей были забронированы номера в гостинице «Севастополь», а кроме того, в их распоряжение предоставлялся прогулочный катер «Афалина», пришвартованный в Южной бухте. В заключение генеральный директор выражал надежду, что гостям понравится ознакомительная экскурсия, хотя сам он, к сожалению, не имеет возможности уделить им время по причине занятости. Массовый наплыв туристов и все такое. С уважением, Дубинский Ю. М.

«Что ж, – подумал Бондарь, – какое-никакое, а прикрытие на тот случай, если наша бурная деятельность привлечет внимание местных правоохранительных органов. Кроме того, на катере нас дожидается снаряжение, которое не провезешь в самолете. Сам катер может доставить нас к борту российского корабля, возникни такая необходимость. В общем, летайте самолетами «Аэрофлота», но не забудьте позаботиться об иных средствах передвижения».

– «Афалина», – задумчиво пробормотал Бондарь, пряча письмо в конверт. – Что-то знакомое. Какая-нибудь богиня?

– Нет, – захихикал водитель. – Это всего-навсего дельфин. А еще у нас водится белобочка. И катран. Это черноморская акула, маленькая, но зубастая.

– Тогда «Ахтиар» – это маленький черноморский кит? – предположил Бондарь, закури-
вая.

– Да нет же. – Водитель прямо-таки расцвел от возможности блеснуть эрудицией. – Когда-
то на берегу Севастопольской бухты было такое поселение. Ах-Яр или Ахтиар. В переводе с
тюркского означает «Белый обрыв».

Он и прежде не отличался молчаливостью, а с этого момента не замолкал ни на минуту,
пичкая пассажиров все новыми и новыми сведениями о родном крае. Когда «Ауди» свернула
на объездную дорогу, он счел необходимым упомянуть, что строительство этого тринадцати-
километрового отрезка трассы курировал сам президент Украины Леонид Кучма («Чучма», –
хмыкнул Костя). А когда за окнами открылся вид на Севастополь, водитель высказался в том
смысле, что город, подобно Риму, стоит на холмах.

– Мои старики живут в деревне Малые Пеньки, – заметил Костя. – Она тоже расположена
на холмах. И что с того?

– При чем здесь какие-то Малые Пеньки? – занервничал водитель.

– А при чем тут Рим?

Бондарь отключился, пропуская их болтовню мимо ушей. Его состояние было каким
угодно, только не беспечным. От Москвы его отделяли полторы тысячи километров. От Сим-
ферополя – еще около восьмидесяти. Но при этом они с Костей пока что не приблизились к
своей цели ни на миллиметр. И хуже всего, что они понятия не имели, где ее искать, эту цель.

Глава 2

Тайны Черного моря

Каждому школьнику известно, что после развала СССР Российский Черноморский флот, насчитывающий около трехсот боевых единиц, оказался запертым в Севастопольской бухте, принадлежащей Украине. При этом участки моря и суши, арендуемые нашими моряками, не превратились в аналог американских военно-морских баз в Японии или в Южной Корее, поскольку отношения между двумя государствами оставались скорее братскими, чем союзническими.

Правда, не раз и не два «братья» затевали дипломатические споры по поводу принадлежности флота, но всякий раз их разборки заканчивались примирениями, ведь они, несмотря на существующие разногласия, любили и уважали друг друга.

Так продолжалось до вмешательства очень дальнего родственничка, американского Дядюшки Сэма, который неожиданно выразил готовность прижать младшего украинского брата к своей могучей груди. Вступай в НАТО, нашептывал он, и ты станешь моим полноправным партнером. Пошли русского Ивана к чертовой бабушке, а если он станет упираться, то мы живо найдем на него управу. Всем миром. Вместе.

Украине ужасно хотелось стать членом НАТО, поскольку членом еще чего-нибудь сделаться никак не получалось. Кроме того, Дядюшка Сэм умело манипулировал то кнутом, то пряником, заставляя Киев лихо отплясывать гопак под свою заморскую дудку. Вскоре в воздухе запахло ультиматумом. Украинцы решили изгнать Российский Черноморский флот из Севастополя, заявив, что он препятствует их планам по вступлению в НАТО. Не случайно же альянс потребовал от Киева официальный документ, подтверждающий, что на территории страны не будут пребывать никакие чужие военные формирования.

Чужие – это значит российские.

Кто же тогда для Киева *свои*? Американцы? Натовцы?

Получалось, что так.

Следуя подсказке западных доброжелателей, Украина вознамерилась досрочно расторгнуть договор о базировании российского флота в Крыму, подписанный в 1997 году сроком на двадцать лет с правом продления. Выступив с подобной инициативой, украинские власти отлично знали, что Россия не успела и уже, конечно, не успеет создать альтернативной базы для своего флота. В самое ближайшее время три севастопольские бухты, где стояли российские корабли – Южная, Карантинная и Севастопольская, – планировалось передать украинским военным.

Еще негласно, но уже полным ходом шла подготовка к эвакуации кораблей.

В том числе и 138 подлодок, среди которых числилась многоцелевая атомная подводная лодка «Акула», как именовалась она по перенятой Киевом американской классификации.

Это была самая современная, самая грозная субмарина в составе Черноморского флота России. Обладая энергоустановкой мощностью 43 000 лошадиные силы, она была способна погружаться на глубину до 600 метров, делая при этом 35 узлов в час. На ее борту находилось 28 крылатых ракет с дальностью поражения 3000 километров плюс почти столько же самонаводящихся торпед. При этом стальная «Акула» являлась одной из самых малозумных субмарин в мире. Натовцы давно мечтали убрать эту опасную игрушку как можно дальше от Ближнего Востока, и вот, похоже, их чаяния начали сбываться.

Разумеется, ни Бондарь, ни Костя, ни целый полк таких ребят, как они, не могли существенно повлиять на этот процесс. Но пока где-то там, наверху, сшибались лбами и ломали копья лучшие представители дипломатической рати, сотрудникам спецслужб предсто-

яло выполнить свою часть работы. Может быть, не самую важную на данный момент. Тем не менее весьма ответственную.

Дело в том, что «Акула» была оснащена современнейшими навигационными, гидроакустическими, спутниковыми и другими техническими комплексами. К примеру, средствами связи, позволяющими принимать радиосигналы с командного пункта, находясь на четыреста метров ниже уровня моря. А недавно ее снабдили последним чудом техники, носившим название гидроакустический маяк АЛП-440, или «Флексом».

Это произошло не далее как месяц назад. Полторы недели назад прибор исчез с борта подводной лодки. Вместе с капитаном второго ранга Малютиным Геннадием Викторовичем, одним из семи старших помощников командира.

В последнее время старпом Малютин плохо соответствовал светлому образу морского офицера в незапятнанном кителе, белых перчатках и с кортиком на боку. Судя по отзывам сослуживцев и подчиненных, он стал регулярно закладывать за воротник и вести себя просто-таки по-свински. Форма его все чаще выглядела так, словно он не снимал ее на ночь. Кортик затупился от бесконечных метаний в дверь каюты. К сожалению, командир спохватился слишком поздно. Через несколько дней после того, как Малютин не возвратился на лодку из самовольной отлучки на берег.

Впрочем, его моральный облик – хоть в чистеньком парадном кителе, хоть в тельняшке, залитой водкой и шампанским, – волновал начальство Евгения Бондаря и Константина Кардаша меньше всего. В ФСБ и ГРУ даже не вспомнили бы о загульном старпOME, если бы пропажа суперсовременного маяка не обнаружилась именно после его ухода.

Это обстоятельство придавало происшествию совсем иную окраску. Те же Соединенные Штаты, с которыми так сдружилась Украина, заплатили бы за крошку «Флекси» не один десяток тысяч долларов... а может, даже миллион... или несколько миллионов... Обладание маяком позволяло противнику не только выведать секреты российской гидроакустики, но и взять под контроль те подлодки, на которых были установлены АЛП-440. Параметры гидроакустического маяка представляли собой ценность гораздо большую, чем он сам по себе вместе со своей хитроумной начинкой.

Исходя из этого, активные поиски Малютина велись на территории всей России и за ее пределами как силами ФСБ, так и силами ГРУ. Приказ о проведении совместной операции отдал лично Верховный главнокомандующий, так что руководству обеих конкурирующих спецслужб оставалось умерить амбиции и действовать сообща. Бондарь понятия не имел, насколько далеко простирались рамки этого вынужденного сотрудничества, поскольку перед ним стояла узкая и вполне конкретная задача.

Он и поступивший в его распоряжение Константин Кардаш были откомандированы в Севастополь на тот случай, если беглый капитан не успел покинуть город и до сих пор ошивался где-нибудь поблизости с целью продать прибор любой из вражеских разведок. Вероятность этого была невелика, однако она существовала. По всей видимости, Малютин был заинтересован в получении наличных, а иностранные резиденты не держат при себе чемоданы с долларами, так что подобная сделка могла затянуться на неопределенный срок. Если же дезертир успел получить деньги, то оставалось надеяться, что просаживать их он станет прямо в Севастополе, где у него имелись собутыльники и приятели. В этом случае его следовало задерживать и вернуть на подлодку, где с ним будет особый разговор.

Разумеется, в Управлении контрразведывательных операций ФСБ и Главном разведывательном управлении Минобороны очень хотели верить, что похищенный «Флексом» до сих пор находится при Малютине, трезвом или пьяном, живом или мертвом. В конце концов, этот сукин сын мог пьянствовать у своей любовницы, ресторанной певички Арианы с экзотической фамилией Патрича. Мог валяться где-нибудь под забором или на больничной койке.

Или на дне морском, с камнем на шее.

Другими словами, кабинетные аналитики исходили из того, что Малютин взялся торговать секретами Родины без предварительной подготовки, спонтанно, с пьяных глаз. Бондарю же представлялось, что исчезновение моряка было запланированным и шансы наткнуться на него близки к нулю. Верхи, как водится, прислушиваться к мнению низов не желали. Поступил приказ во что бы то ни стало отыскать прибор, желательно вместе с похитителем. Сделать это предстояло Бондарю с помощью спецназовца Кости Кардаша и... господ бога, да будет на то его воля.

«Флексом» представлял собой компактную штуковину, размерами и формой напоминающую двадцатисантиметровый баллончик лака для волос или спрея для уничтожения насекомых. Упакованный в сверхпрочный корпус из алюминиевого сплава, он таил в себе настолько дорогостоящую электронную начинку, что ее можно было бы запросто обменять на приличную иномарку с нулевым пробегом. Весила эта драгоценная малютка всего полкило, а питалась от двух стандартных девятивольтовых батарей.

Хотелось надеяться, что подвыпивший Малютин прихватил ее по ошибке, например, вместо фонарика или припрятанной бутылки. И теперь мирно спит, подложив под щеку сверхсекретный прибор, исправно работающий на частотах от 25 до 40 килогерц. Обнаружив Малютину в такой ситуации, Бондарь даже не стал бы его сильно наказывать, честное слово. Врезал бы пару раз за доставленное беспокойство – и гуляй, Вася. Но Малютина звали не Васей, а Геннадием Викторовичем, а его самовольная отлучка очень уж смахивала на дезертирство...

* * *

Из задумчивости Бондаря вывел голос водителя, сообщившего, что они прибыли на место.

«Ауди» действительно стояла возле длинного трехэтажного здания, выкрашенного в желтый цвет и увенчанного надписью «Севастополь». Слева было помечено, что это гостиница, хотя приписка справа утверждала, что это никакая не гостиница, а ресторан. Судя по обилию колонн и лепнины, здание возвели в пятидесятые годы прошлого века. Можно было не сомневаться, что полы внутри невероятно скрипучие, а каменные ступени лестниц хранят отпечатки десятков тысяч прошедших по ним ног.

– Памятник архитектуры, – подтвердил догадку водитель.
– Очень уж древний, – проворчал Бондарь, выбираясь наружу.
– Зато в самом центре. До всех трех вокзалов каких-нибудь десять минут хода.
– В Севастополе целых три вокзала? – фальшиво восхитился Костя, доставая сумки из багажника.

– Ну да. – Водитель принялся загибать пальцы. – Морской. Железнодорожный. И потом этот... автовокзал.

– А как обстоят дела с бабами? – задал Костя следующий, гораздо более важный для себя вопрос.

– Когда есть горячая вода, то очень даже неплохо, – заверил его водитель и захлопнул дверцу так поспешно, как если бы нес личную ответственность за состояние жилищно-коммунального хозяйства города. – Желаю удачи, – донесся его голос из тут же тронувшейся с места машины.

Это не вызвало у Бондаря приступа оптимизма. Несмотря на наличие трех вокзалов, покинуть Севастополь в ближайшем будущем он не надеялся. Поиски беглого капитана могли затянуться надолго. «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять, – сказал себе Бондарь, входя в гостиницу. Но самое противное – заниматься этим без толку».

Регистрация прошла без осложнений. Правда, заполняя анкету, Костя доверительно сообщил девушке в окошке, что цель его приезда – жениться. На что она, покачав головой, задумчиво сказала:

– Не знаю, не знаю... У нас тут столько моряков, столько отдыхающих...

– А я не моряк и не отдыхающий. – Костя, улегшийся грудью на стойку, чуть ли не завиял поджарым задом.

– А кто же? – В устремленных на него глазах промелькнули первые искорки пробуждающегося интереса.

– Угадайте с трех раз.

– Тут написано: предприниматель, – сказала девушка, сверившись с Костиной анкетой.

Он загадочно усмехнулся:

– Мало ли что написано...

– Тогда кто вы?

Искоркам интереса в глазах девушки было не суждено обратиться в пламя, поскольку Бондарь счел необходимым вмешаться в происходящее, охарактеризовав своего спутника как неисправимого кобеля и многоженца.

– Напрасно ты так, – буркнул Костя, когда они вселились в свой номер на третьем этаже.

– Ты бы еще секретным агентом представился, – укорил его Бондарь. – Джеймсом Бондом с золотыми сверенами.

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся Костя, после чего надолго умолк, приложившись к полторалитровой бутылке минералки. Его кадык ходил ходуном, подобно неутомимому поршню.

– Обопьешься, – проворчал Бондарь, когда ему надоело слушать производимое напарником бульканье.

– Минералки жалко?

– Тебя. Потом ведь изойдешь.

– Не изойду, – возразил Костя и попытался вытереть лоснящееся лицо. Затем так же безуспешно попытался вытереть взмокшую ладонь об рубаху. Затем высказался в том духе, что ему нужно срочно принять душ.

– Обязательно, – кивнул Бондарь, направляясь в ванную. – Сразу после начальства.

Потоков воды, о которых мечталось всю дорогу, выжать из кранов не удалось, так что осталось довольствоваться лишь жалкой струйкой, которая иссякла раньше, чем Бондарь успел как следует освежиться. Вместо того чтобы громко возмутиться по этому поводу, он возвратился в номер, где, склонив голову набок, принялся любоваться Костей, успевшим раздеться до плавок.

– Наконец-то. – Напарник порывисто вскочил, весь взмокший и блестящий, словно атлет, закончивший изнурительную тренировку.

– Ты прихватил с собой дезодорант? – любопытствовал Бондарь.

– На кой он мне сдался? Я тебе барышня, что ли?

– Нет. Ты не барышня. Ты здоровенный мужик, от которого за версту разит потом.

– Дело поправимое, – отмахнулся Костя. – Сейчас ополоснусь и буду свежий, как огурчик.

– Нет. – Бондарь снова покачал головой. – Огурчика из тебя не получится. Во всяком случае, свежего. Придется тебе помариноваться.

– Ты мне запрещаешь принять душ? – Костины брови взметнулись вверх.

– Нет, – произнес Бондарь в третий раз. – Просто вода закончилась. – Он развел руками. – Но если ты хорошенько попросишь, я разрешу тебе воспользоваться своим дезодорантом. Даром. Потому что находиться рядом с тобой невыносимо.

Рывкнув на манер разъяренного пса, Костя ринулся в ванную комнату, где еще долго ругался, крутя бесполезные краны. Бондарь же достал из сумки дезодорант и улегся на кровать,

заложив руки за голову. Выставленный на стол баллончик был лишь немногим меньше, чем гидроакустический маяк АЛП-440, который предстояло отыскать.

В городе, площадь которого составляет 19 000 гектаров.

С населением 400 000 человек и с миллионом приезжих.

Без всякой надежды получить в награду медаль «За оборону Севастополя». Потому что его давным-давно сдали, город-герой, перенесший две кровопролитные осады. Войска НАТО готовились занять его без боя, несмотря на грозную армаду российских кораблей, способных уничтожить целый континент. Сознать это было чертовски обидно. Бондарь даже поймал себя на мысли, что ему не терпится обзавестись оружием и пустить его в ход.

«Лишь бы было против кого», – подумал он, прежде чем провалиться в короткий дневной сон.

Глава 3

Живые и мертвые

В Южную было решено отправиться пешком, чтобы осмотреться на местности. Карты и справочники содержали массу обстоятельной, но бесполезной информации. Например, что Севастополю чуть более двух веков и что его название в переводе с греческого означает «величественный, достойный поклонения, героический город». Но разве могло это помочь отыскать Малютина, затерявшегося в лабиринтах огромного порта?

Глубокие балки, горные отроги, бесчисленные бухты и бухточки, пирсы, причалы, доки... Не Гонконг или Сидней, но и не деревня Малая Кукуевка из двадцати дворов. Тем более что русский язык Малютина никак не мог выдать его в городе, где семьдесят пять жителей из ста изъяснялись на великом и могучем, и лишь двадцать процентов говорило по-украински. Остальные представляли собой человеческий винегрет, составленный из 26 национальностей: тут тебе и белорусы, и крымские татары, и евреи, и армяне, греки, немцы, болгары, молдаване, поляки, эстонцы, латыши, корейцы. Последнее обстоятельство утешало. Как бы Малютин ни старался, а прикинуться корейцем или молдаванином ему не удастся. Следовательно, шансы участников поисковой экспедиции чуточку возрастали.

Прежде чем двинуться через весь город, они покрутились на главной площади, названной в честь адмирала Нахимова. Посередине ее высился памятник, надпись на котором гласила:

Здесь 3(14) июня 1783 г. заложен город Севастополь – морская крепость юга России.

– *России*, здесь же ясно написано: *РОССИИ!* – Костя возбужденно толкнул Бондаря в бок. – Чего же они тогда выкобениваются, бисовы диты? Вцепились, как в свое, еще и зубы показывают...

Его глаза скользнули по публике, прогуливающейся по площади. Особенно недобрый Костин взгляд сделался в тот момент, когда он наткнулся на компанию молодежи, распивавшую пиво на скамейке. Наверняка ему не терпелось хлебнуть чего-нибудь такого же пенистого и освежающего.

– Уймись, – флегматично посоветовал Бондарь. – Не то какой-нибудь умник услышит тебя и накатает в Думу предложение заменить надпись.

– Как это? – возмутился Костя.

– А так. Был юг России, станет юг великой Украины.

– Ха, великой!

Костя уставился на железобетонную стену, возведенную в честь героической обороны Севастополя от фрицев. Центром композиции служило рельефное изображение воина, отражающего натиск врага. Его правая рука сжимала автомат, а левая решительно простиралась вперед, навстречу трем направленным ему в грудь штыкам.

– Эх, братишка, – пробормотал Костя. – Знал бы ты, как все обернется.

– Это ты мне? – осведомился Бондарь.

– Ему. – Костин подбородок выдвинулся в направлении каменного воина. – Тоже ведь русский, даю рубль за сто.

– Откуда такая уверенность?

– Кто, кроме русского, на штыки грудью попрет?

Возразить на это было нечего, да и не хотелось. Жара немного спала, но все равно было нестерпимо душно. Болтать языком попусту было лень. Почти весь путь до Южной гавани

Бондарь и его спутник проделали в молчании, разглядывая местные достопримечательности и прохожих.

То и дело навстречу попадались моряки, чувствующие себя в Севастополе так же непринужденно, как на палубах своих кораблей. Девушек было мало, причем, судя по легкомысленным нарядам, все это были приезжие. Загорелые, белозубые, голопупые, они многозначительно лизали мороженое и вызывающе поглядывали на мужчин. Бравые морячки их почти не интересовали. Зато при виде дорогой иномарки эти куколочки синхронно втягивали животы и выпячивали груди. Вот она – главная примета времени. Хоть бери и на каждой центральной улице красные фонари вывешивай, не ошибешься.

– Надо бы пообщаться с кем-нибудь из них, – озабоченно сказал Костя, передвигавшийся слегка враскорячку, словно джинсы вдруг сделались ему узкими. От него пахло парфюмерией и потом. Это была сногшибательная, убийственная смесь. Ноздри всякой женщины, оказавшейся поблизости, тревожно трепетали. Костя, приписывавший такую реакцию своей неотражимой внешности, награждал их короткими полуулыбками.

– Даже не мечтай, – обронил Бондарь, ускоряя шаг. – Мы приехали сюда не с девками развлекаться.

– Так я не в том смысле! – воскликнул Костя голосом никудышного актера, озвучивающего еще более никудышный фильм.

– А в каком?

– Женщины легкого поведения всегда владеют любопытной информацией, факт. Не удивлюсь, если кто-то из здешних путан что-то знает про Малютина.

– Ты загнешься раньше, чем успеешь опросить хотя бы десяток.

– Плохо ты меня знаешь. У меня здоровье ого– го! – Костя алчно покосился на двух курортниц, продефилировавших мимо.

Бондарь невольно ухмыльнулся:

– Сомневаюсь, что твой могучий организм способен перебороть СПИД.

– Эй, ты забыл про безопасный секс.

– Безопасным бывает только кекс, – заметил Бондарь. Поразмыслив немного, добавил:

– Да и то необязательно.

– Волков бояться... – начал было Костя.

– До них сначала добраться нужно, до волков. – Бондарь нахмурился. – А о Красных Шапочках думать после будем.

– Ловлю на слове, командир!

Костя мечтательно улыбнулся и даже зажмурился. Надо полагать, мысленно примерил эту самую Красную Шапочку на себя. Каким именно способом – догадаться было несложно.

* * *

Было около восьми часов вечера, когда они отыскивали нужный причал.

– Ну и где наша «Афина»? – спросил Костя таким тоном, словно ожидал со стороны спутника какого-нибудь подвоха.

– «Афалина», – машинально поправил его Бондарь.

– Хрен редьки не слаще.

– Но и не горше.

Сделав это справедливое замечание, Бондарь двинулся вдоль причала, вглядываясь в названия выстроившихся в ряд суденышек. В основном это были до невозможности грязные катера, имевшие осадку растоптанных галош. Зато все, как на подбор, носили громкие имена: «Бесстрашный», «Посейдон», «Витязь». Безымянные моторные лодки смотрелись куда лучше. А просевшая до самых бортов яхта – та вообще выглядела в сумерках настоящей красавицей.

«Афалина» обнаружилась за насквозь проржавевшим суденышком, увешанным старыми автомобильными покрышками.

– Команда-то большая? – деловито спросил Костя.

– Капитан, – принялся перечислять Бондарь, – шкипер, механик, матрос, кок.

– И как это они там все помещаются? Карлики они, что ли? – Напарник недоверчиво посмотрел на «Афалину». В очертаниях катера угадывались быстроходность и отличная маневренность, но габаритами он не вышел.

Бондарь тоже разглядывал «Афалину». Ему не нравилось, что ни в одном из его окошек не было заметно даже проблеска света. А ведь согласно письму предоставленный в распоряжение гостей экипаж должен был дежурить на борту денно и ночно. Правда, в лице одного-единственного человека, носившего татарское имя Эльдар Сейдуллин. Он-то и заменял собой всю команду. И, что самое важное, должен был выдать москвичам необходимое снаряжение, которое они по понятным причинам не могли провезти в самолете.

Костя, которому Бондарь вкратце рассказал об этом, загарцевал на причале, как застоявшийся жеребец. Видимо, ему не терпелось ощутить в своей ладони рукоятку пистолета. Пришлось даже взять его за локоть, удерживая на месте.

Прежде чем перепрыгнуть на борт катера, Бондарь огляделся по сторонам. В густых сумерках, окутавших причал, не было ни души. Словно пришвартованные суденышки существовали сами по себе, давно позабыв, когда на них ступала нога человека. От хлюпающей между ними воды веяло сыростью и запахом гниющих водорослей. Она казалась черной и маслянистой, как нефть.

Наконец, деятельный Костя не выдержал. В его голосе прорезались хриплые нотки, когда он спросил, не в силах совладать с нетерпением:

– Ну что? Пора? Я пойду первым, командир, не возражаешь?

– Давай, – кивнул Бондарь. – Только осторожней.

– На нашем крейсере может быть засада?

– Там полно всяких хреновин, о которые можно запросто споткнуться в темноте.

Бондаря покорибил собственный беспечный тон, но трудно воспринимать всерьез опасность, которой не видишь воочию.

«И существует ли она, опасность? – спросил он себя. – В конце концов, мы собирались всего-навсего наведаться на прогулочный катер, принадлежащий туристической фирме...»

Правда, без оружия. И в качестве совсем не тех людей, за которых себя выдавали.

На территории не то чтобы враждебного, но уже и не дружественного государства с двумя чересчур любопытными русскими могло приключиться все, что угодно. А могло и ничего не приключиться. Выяснить это предстояло прямо сейчас.

– Давай, – повторил Бондарь, на всякий случай приготовившись к любым неожиданностям.

– Даю!

Еще до прыжка на палубу «Афалины» Костя совершенно преобразился, сделавшись собранным и настороженным, как хищник, вышедший на ночную охоту. Этот парень не был миниатюрным, вот уж нет, но катер даже не покачнулся под его тяжестью. Спецназ есть спецназ. Бондарь тоже не считал себя кабинетным работником, однако его прыжок оказался не столь выверенным.

«Афалина» слегка накренилась на правый борт.

Никто не высунулся наружу, чтобы поинтересоваться причиной этого обстоятельства. Было по-прежнему тихо. И это не могло не внушать тревогу.

В правой руке Кости появился моток тонкой рояльной струны. Бондарь понятия не имел, на какую ноту она настраивается, но прекрасно знал, что в руках спецназовца любой безобидный предмет превращается в смертоносное оружие. Например, нить из закаленной

стали. Петлей из нее ничего не стоит нанести увечья, сравнимые с порезами опасной бритвы. Вооруженный обычной струной, Костя мог оказаться на голову выше любого потенциального противника.

В буквальном смысле.

Рука, сжимающая моток, сделала предупредительный жест: оставайся на месте. Указательный палец левой руки показал на единственную дверь, ведущую в нутро катера. Это означало, что Костя намеревается проникнуть туда первым.

Бондарь молча кивнул. Каждый должен заниматься своим делом. В рукопашном бою Костя не знал себе равных. С другой стороны, его навыки были сугубо партизанскими, тогда как Бондарь специализировался на планировании и проведении более деликатных операций. Таких, о которых потом не треплются в средствах массовой информации. Потому что трепаться, в общем-то, не о чем. Все остается шито-крыто.

Уподобившись бесшумной тени, Костя скользнул вперед и, расположившись таким образом, чтобы не подставиться под выстрел, распахнул дверь. Еще на протяжении нескольких мгновений он оставался на месте, а потом... исчез, слившись с темнотой дверного проема.

Не прыгнул, не шагнул, даже не кувыркнулся через голову. Именно исчез. Испарился. Просочился внутрь, подобно капле черной туши.

– Иди сюда, командир.

Бондарю показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он дождался этого призывного оклика. Спустившись по короткому трапу, он присоединился к Косте.

– Задерни занавеску, – распорядился тот.

Бондарь беспрекословно подчинился. В некоторых ситуациях лучше полагаться на опыт спецназовца ГРУ, чем на опыт оперативника ФСБ. И в некоторых ситуациях окна действительно должны быть зашторены, так уж повелось на невидимом фронте.

* * *

В тусклом свете зажегшегося фонаря каюта выглядела тесной, захлавленной и неудобной, как чулан. Самыми крупными предметами мебели, помещавшимися тут, были стол и откидная койка. На столе стояла едва початая бутылка вина и коробка конфет с одной-единственной пустой ячейкой. На койке лежали два трупа, мужской и женский. Лежали так называемым «валетом», то есть головами к ногам друг друга. При этом оба были практически голыми, а раздеться их побудила отнюдь не жара, иначе они не стали бы сливаться в пылких объятиях.

В застывших объятиях, мысленно поправился Бондарь. В ледяных.

Мужчина не удосужился снять носки, хотя при духоте, царившей в каюте, это было бы вполне естественным побуждением. Что касается женщины, то она осталась в платье, хотя и задранном до самых ушей. В общем, прежде чем умереть, они испытали сильнейший приступ страсти, вряд ли завершившийся оргазмом.

Вместо порции сомнительного удовольствия оба получили по пуле в голову, так и не успев сообразить, что происходит. Стреляли в упор и сверху, иначе их вышибленные мозги засыхали бы теперь на стене. В данном случае кровью были замараны лишь матрас и живот мужчины, на котором покоилась женская голова.

– Достойная смерть для портовой шлюхи, – пробормотал Костя. – Погибла на боевом посту, можно сказать.

– Ошибаешься, – возразил Бондарь, склонившись над мертвецами. – Это не шлюха.

– Откуда такая уверенность?

– Эльдар не воспользовался презервативом, видишь?

Костя покосился туда, где, по идее, должно было находиться упомянутое изделие.

– Может, наклюкался до такого состояния, когда море по колено? – предположил он.

Бондарь щелкнул ногтем по почти полной бутылке «Муската белого» и покачал головой:
– Сомневаюсь. Ни один вменяемый мужик не станет развлекаться подобным образом с первой встречной бабой. Во всяком случае, не с проституткой.

Оценив живописную позу, в которой застыли оба трупа, Костя согласился:

– Да, пожалуй, ты прав. Голубки были знакомы. Не боялись подцепить друг от друга какую-нибудь заразу. – Сплюнув, он тщательно вытер губы и спросил: – Кстати, почему ты думаешь, что перед нами труп Эльдара, а не кого-нибудь другого? Разве вы были знакомы?

Не трата лишнего слов, Бондарь ткнул пальцем в снимок, висевший над кроватью. На нем красовался тот самый мужчина, который нашел свою смерть в каюте. Загорелый и довольный собой, он скалился в объектив, держась обеими руками за штурвал «Афалины». Но это было лишь фотографическое изображение Эльдара Сейдуллина. Сам он если и скалился, то отнюдь не весело. Для него все закончилось. Ни по морю с ветерком прокатиться. Ни с подружкой порезвиться. И уж конечно, покойник не имел возможности снабдить гостей из России оружием и аппаратурой, как это было условлено.

Придя к такому выводу, помрачневший Костя спросил:

– Обыскать катер? Вдруг обнаружится что-нибудь интересное?

Бондарь поскреб подбородок:

– А если нас решили подставить? И если на берегу притаились менты, которые только и ждут, когда мы появимся с пушками?

– Тогда нужно сматываться.

Голова Бондаря отрицательно качнулась из стороны в сторону:

– Несколько минут ничего не меняют. Либо засада есть, либо ее нет. Ну-ка пошарь в карманах нашего несостоявшегося капитана. В сумочку его подруги загляни тоже. Я пока осмотрю каюту.

Двигаясь быстро, но без суеты, они занялись поверхностным обыском, стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Бондарь не обнаружил ничего более интересного, чем уйма грязного белья, хранившегося в картонных коробках. Гильз на полу не было, и это настораживало еще сильнее. Выходит, на катере орудовали профессионалы? Не прикончили ли они Сейдуллина специально для того, чтобы оставить московских гостей без оружия? Или была какая-то иная причина? Месть ревнивого мужа капитанской любовницы? Наркотики? Политика? Карточные долги?

Голос напарника вывел Бондаря из задумчивости:

– Вот. – Костя продемонстрировал на ладони ворох украинских гривен, среди которых затесалось несколько мелких долларовых купюр. – Документов нет ни у мужика, ни у бабы.

– Я так и предполагал, – процедил Бондарь.

– Что, дело плохо? Нас пасут?

– Очень может быть.

– Значит, вляпались?

– Поживем – увидим.

– Понятненько, – протянул Костя, крутнув на пальце моток струны.

Его лицо лоснилось все сильнее, но Бондарь знал, что повышенная потливость напарника вызвана не страхом. Просто воздух в каюте был очень уж спертым. Хотелось поскорее исчезнуть отсюда.

– Предлагаю вылезти через иллюминатор и выбираться вплавь, – заявил Костя. – Бережного бог бережет.

Бондарь с сомнением взглянул на его широкие плечи:

– Хочешь попробовать себя в роли верблюда, проходящего сквозь игольное ушко?

– У меня суставы особые, командир. В случае необходимости я становлюсь резиновым, веришь?

– Верю. Но лучше оставайся таким, какой есть. В конце концов, ничего страшного не произошло. – Бондарь похлопал себя по нагрудному карману, в котором хранилось письмо фирмы «Ахтиар». – Двое туристов явились на катер, любезно предоставленный в их распоряжение. Они обнаружили на борту два трупа с огнестрельными ранениями. Но оружия у туристов нет. – Бондарь развел руками. – Доказать их причастность к убийству невозможно.

Костя недоверчиво хмыкнул:

– Менты могут доказать что угодно, сам знаешь.

– Пусть попробуют. Пока что мы не преступили ни одного закона.

– Сейчас преступим, – буркнул Костя.

– Каким образом? – любопытствовал слегка нахмурившийся Бондарь.

– Мы ведь не станем сообщать о своей находке куда следует, верно? А это идет вразрез с уголовным кодексом.

– Никто не обязывает нас пользоваться мобильной связью, которая дорожает день ото дня. – Бондарь заговорщицки подмигнул Косте. – А по возвращении в гостиницу мы непременно позвоним в милицию.

На лбу напарника появилось сразу несколько горизонтальных морщин.

– Разве?

– Конечно. *Если не забудем. Если нас не сморит сон.*

– А-а, – протянул Костя с облегчением. – И действительно. Тогда нам нечего опасаться.

– Абсолютно нечего, – согласился Бондарь.

Хотелось бы ему испытывать ту уверенность, которая прозвучала в его голосе.

* * *

Худшие опасения Бондаря не подтвердились. На причале торчала лишь одна бродячая собака, которая, приняв хавшись, тут же задрала голову к ночному небу и разразилась душераздирающим воем.

– Смерть почуяла, зараза, – прокомментировал Костя.

– Это еще вопрос, кто кого чует, – возразил Бондарь. – Мы смерть или она нас.

С наслаждением глотая свежий воздух, они двинулись в обратном направлении. Заунывный собачий вой еще долго преследовал их, заставляя ускорять шаг.

Чем выше по склону они поднимались, тем многолюднее становилось на севавтопольских улицах. Все чаще попадались крошечные кафе, упрятанные под тенты с названиями импортных сигарет и напитков. Многие посетители успели наклюкаться до такого состояния, что пластмассовые стулья казались им комфортными, а подаваемые к столу шашлыки и «ножки Буша» – весьма изысканными яствами. Дамы смеялись, словно их беспрестанно щекотали. Кавалеры пыжились. Официанты выискивали взглядами тех, кто попьаннее, и мысленно подсчитывали будущую выручку.

Ближе к центру ночная жизнь бурлила вовсю. По тротуарам прогуливались сотни людей, вышедших на поиски приключений. Горели огни, гремела музыка. А у Бондаря на душе было довольно-таки мутно.

Он никак не мог отделаться от мысли, что смерть Эльдара и его подружки так или иначе связана с его заданием. В таком случае от дальнейшего пребывания в Крыму не было никакого толка. Можно было с чистой совестью садиться в самолет и возвращаться в Москву с докладом о провале. Но Бондарь постарался загнать эту мысль в самый отдаленный уголок своего сознания. Опускать руки было не в его правилах. В конце концов, происшествие на катере не являлось такой уж непоправимой катастрофой. Почему бы не воспользоваться услугами Юрия Михайловича Дубинского, являвшегося генеральным директором туристического агентства «Ахтиар»?

Подобных фирм, учрежденных на деньги разведслужб, хватает в каждом крупном городе мира. В свободное время они занимаются самым обычным бизнесом: что-то продают, что-то покупают, заключают контракты об оказании услуг, отчитываются в налоговых инспекциях. Когда же возникает такая необходимость, коммерсантам приходится отрабатывать свои долги перед негласными инвесторами. Эти ребята снабжают агентов оружием и информацией, помогают им налаживать полезные контакты, обеспечивают легальное прикрытие и так далее. Многие из этих горе-бизнесменов понятия не имеют, на кого именно они работают, да это и неважно. А важно то, что все они находятся на крючке, сорваться с которого невозможно.

В данном случае потрепыхаться предстояло Дубинскому. В его письме значились только рабочие телефоны Юрия Михайловича, но домашний номер был надежно запечатлен в мозгу Бондаря еще до отъезда. Настало время набрать эти шесть цифр. И не только для того, чтобы поблагодарить Дубинского за радушный прием.

– Нужно разбежаться на полчасика, – бросил Бондарь Косте. – Посмотри, не тянется ли за мной «хвост».

– Запросто, – откликнулся тот и свернул к ближайшему кафе.

Было приятно, что он понял свою задачу с полуслова. С другой стороны, Бондарь запоздало пожалел, что не успел наложить запрет на употребление спиртных напитков. А вдруг Костина ретивость была вызвана желанием промочить горло? Уж очень поспешно он скрылся из виду.

Не оглядываясь, Бондарь продолжил путь в гордом одиночестве. Свернув налево, он вышел на Приморский бульвар, заполненный отдыхающими. Молодежь флиртвала на скамейках в тени деревьев, а люди постарше занимались тем, что чинно прохаживались по каменному пешеходному мосту, украшенному рельефными изображениями. Бондарь тоже прогулялся этим маршрутом, любуясь каменными венками, в середине которых были помещены даты легендарной обороны Севастополя в Крымской войне: «1854–1855 гг.». Изображенные рядом драконы смахивали на раскормленных ящериц. А на геральдическом щите с гербом Севастополя красовались мифические чудища, головы и крылья которых были орлиными, а тело и хвост – львиными.

«Актуально, – подумал Бондарь. – Самый подходящий символ для города, в котором заправляет непонятно кто».

Незаметно приглядываясь к потенциальным преследователям, он немного постоял на мосту. Отсюда открывался прекрасный вид на странный пирамидальный храм, высящийся на горном склоне. Освещенный прожекторами, он невольно бросался в глаза. Его венчал исплинский гранитный крест, весивший никак не меньше пятнадцати тонн. Наверное, по замыслу архитектора люди, глядящие на него, должны были вспоминать о тяготах земной жизни. Мол, все мы несем свой тяжкий крест... только каждый норовит выбрать ношу полегче, чем та, которую взвалил на плечи Христос.

Покинув мост, Бондарь побрел дальше, старательно изображая беззаботного отдыхающего, бездумно глазающего на витрины и девушек. По круто уходящей вверх лестнице поднималась шумная компания американских моряков. Они одаривали широкими улыбками всякого, кто задерживал на них взгляд, поэтому Бондарь предпочел пройти мимо с опущенными глазами.

Он очень не любил американцев, и ему бывало от этого неловко. Ведь они такие веселые, такие компанейские ребята. Они предлагают нам: эй, кончайте сушить мозги над всякими проблемами, это плохо сказывается на пищеварении и укорачивает жизнь. Будьте проще, будьте как мы. Лопайте гамбургеры и чизбургеры, обильно политые кетчупом, хрустите чипсами, заливайтесь пепси, булькайте кокой. И неважно, что две трети населения земного шара в это время изнывает от голода, холода и нищеты. Существует масса гораздо более важных и, главное, более приятных вещей. Вот вам для затравки Мэрилин Монро... а вот Джей Ло... а вот

еще какое-нибудь смазливое мурло, которое на сегодняшний день будет всеобщей суперзвездой, мы так решили. Жуйте голливудскую жвачку, украшайте себя дикарскими татуировками, делайте секс, потому что делать секс куда приятнее, чем любить и ненавидеть. Во всем равняйтесь на нас, ведь мы самые веселые, самые счастливые, самые богатые.

Детский сад, да и только, подумал Бондарь. Но заправляют в нем дядечки с ястребиными глазами, которые не любят афишировать свое присутствие. Под их контролем находится уже добрых две трети планеты, и вокруг России стягивается кольцо стран, присоединившихся к НАТО. Сегодня по севастопольским бульварам гуляют американские моряки, а завтра их сменяют десантники, как это произошло в Грузии, Таджикистане, Киргизии. Миротворческий контингент, мать его так. Планомерное завоевание мира под лозунгом борьбы с международным терроризмом. И как только Америка приберет к рукам Украину, вся европейская часть России окажется в окружении вражеских армий, вооруженных по последнему слову техники.

Хау ду ю ду, братья славяне?

Братья славяне хаудуюдут о'кей. У них глаза разбегаются от ярких красок западной барахолки, до которой их допустили. Они восхищаются праздничной мишурой, пока одни запускают руки в их карманы, а другие готовятся свернуть им шею под звуки такой развеселой, такой бравурной музыки.

Show must go on, твердят американцы – представление должно продолжаться. Ладно, пусть продолжается, мысленно соглашался Бондарь. Только однажды эта дурацкая карусель остановится, и тогда поглядим, кто удержится на коне, а кто будет вышиблен из седла.

* * *

Бондарь остановился у забегаловки с громким названием «Олимп» и не спеша выкурил сигарету, облегчая задачу Косте. Судя по ценнику, вывешенному в витрине, клиентами забегаловки были весьма состоятельные люди, готовые выложить десять баксов за самую обычную отбивную. А судя по совершенно пустому залу, таких состоятельных людей в Севастополе насчитывалось немного.

Потребовав чашку кофе, Бондарь уселся за стол и стал смотреть в окно, за которым постепенно редели ряды гуляющих. Кофе возник перед ним одновременно с Костей. Напарник появился в помещении с бутылкой минералки и слабым запахом перегара.

Бондарь приподнял брови, давая понять, что желает услышать отчет.

– Чисто, – доложил Костя вполголоса, устраиваясь рядом. – Ничего подозрительного.

Ноздри Бондаря чутко затрепетали.

– Ты говоришь о пиве, которое вылакал в одиночку?

– Обижаешь, командир. Я опрокинул только рюмку коньяка. Между прочим, отменного. Называется «Ай-Петри».

Костя облизнулся.

– Называется «свинство», – проворчал Бондарь, впрочем, совершенно беззлобно. Отсутствие слезки вернуло ему хорошее расположение духа.

Воодушевленный Костя тут же поведал, что настоящие шпионы, вроде Джеймса Бонда, так те хлещут спиртное с утра до ночи. Джин, водка, виски – не обязательно с содовой. А то вообще возьмут и хряпнут полбутылки шампанского перед завтраком, а после завтрака догонятся парой бокалов «Перно» или «Самоари».

– Что такое «Самоари»? – любопытствовал Бондарь.

– «Чинзано», ломтик лимона и содовая, – пояснил Костя с видом знатока и, переведя взор на барменшу, осведомился: – У вас есть «Чинзано»?

Тон у него был самый светский. Бондарь высказался в том же духе:

– Налейте моему товарищу порцию, пожалуйста. Только он вечно все путает. Имеется в виду капучино.

– Нет, я уж лучше тогда водички, – буркнул Костя, прикладываясь к бутылке.

Покончив со своими напитками, напарники задержались в «Олимпе» для того, чтобы обстрелять здешние писсуары, а потом вышли на улицу, затененную густыми кронами деревьев.

– Какие у нас планы? – спросил Костя, провожая тоскливым взглядом каждую приличную пару женских ног.

– Хочу встретиться с типом, которому принадлежит катер, – ответил Бондарь.

– А потом?

– А потом начнется настоящая ночная жизнь.

– О, – воскликнул Костя, – давно пора!

– Не гони лошадей. – Бондарь взглянул на часы. – Время еще детское. Ничего с нами не случится, если ляжем сегодня на часок позже.

– И это ты называешь ночной жизнью?

– Разумеется. – Глаза Бондаря округлились. – Ночь для того и существует, чтобы спать, разве нет?

– Конечно, – согласился Костя без энтузиазма.

Его мнение явно расходилось с мнением старшего группы, но вразрез не шло – они ведь играли в одной команде, и ее капитаном был сотрудник ФСБ, а не ГРУ.

Не обращая внимания на постную Костину физиономию, Бондарь достал мобильный телефон и набрал номер Дубинского. Вслед за серией длинных гудков из трубки раздалось хриплое:

– Да.

– Юрий Михайлович?

– Кто это говорит? – спросил недовольный голос.

– Гость из Москвы, – назвал себя Бондарь. – Стрельцов.

– А, привет. – Посопев в трубку, Дубинский собрался с мыслями, чтобы задать очередной вопрос. – Как вам наш город?

– Хотелось бы осмотреть его вместе с вами.

– Вы шутите? Уже половина двенадцатого!

– Одиннадцать часов двадцать восемь минут, – отчеканил Бондарь.

– Не самое подходящее время для прогулок, – упорствовал Дубинский. – Кроме того, у вас ведь есть гид.

Невольно оглядевшись по сторонам, Бондарь возразил:

– Ошибаетесь.

– Разве вы не встретились с Сейдуллиным?

– Нет. Он очень далеко отсюда.

– Не может быть.

Тут Дубинский закашлялся, что Бондарю не очень понравилось. Кашель Дубинского прозвучал несколько натужно. Как будто он через силу проглотил горькую пилюлю.

– Поговорим об этом с глазу на глаз, – предложил Бондарь.

– Может быть, завтра утром?

– Сегодня. Сейчас. – Это было произнесено непреклонным тоном.

– Вам нужна помощь? – обеспокоился Дубинский.

– Если бы мне понадобилось просто дружеское участие, – саркастически произнес Бондарь, – то я бы обратился в Службу доверия.

– Ладно, где вы находитесь?

Поколебавшись, Бондарь решил рискнуть:

- Возле ресторана «Олимп».
- Угу, – пробормотал Дубинский. – Знаю. Вот что, идите вниз по улице до набережной. Там свернете направо. Дойдете до памятника затонувшим кораблям...
- Минутку. – Бондарь сосредоточился, вспоминая путеводитель по Севастополю. – Это такой высоченный столб на скале? Торчит из воды у самого берега?
- Совершенно верно. Я буду в зеленом спортивном костюме.
- Отличный выбор. Но я узнаю вас и в менее броском наряде. – Бондарю не удалось удержаться от ухмылки. – Седые волосы. Седые усы. Нос картошкой. Брюшко.
- У меня нет брюшка, – запальчиво возразил Дубинский. – Вы, наверное, видели мою старую фотографию. В последнее время я веду здоровый образ жизни и активно занимаюсь спортом.
- Бег трусцой?
- В том числе и бег, вы угадали.
- Рад слышать, – сказал Бондарь. – В таком случае вы доберетесь до места достаточно быстро.
- Я буду там через пятнадцать минут, – заверил его Дубинский.
- Ну-ну, такая прыть никому не нужна. Сам-то я не бегаю трусцой. – Ухмылка исчезла с лица Бондаря. – Встретимся ровно через полчаса, Юрий Михайлович. Конец связи. Пряча трубку, он отметил внимательный взгляд напарника.
- Не доверяешь этому типу? – не удержался от вопроса Костя.
- С чего ты взял? – удивился Бондарь.
- Ты разговаривал с ним таким тоном...
- Если он ни в чем не виноват, то перетерпит. А если у него рыльце в пушку, то пусть немного понервничает, это полезно. Глядишь, и проколется на чем-нибудь ненароком.
- Не доверяешь, – заключил Костя.
- Среди простаков очень много порядочных и хороших людей, – заметил Бондарь, – но вот долгожители почему-то не попадают. Поэтому дуй к памятнику погибшим кораблям и незаметно займи там наблюдательный пост. Я хочу, чтобы ты опередил Дубинского... и тех, кто может его сопровождать.
- Эх, жаль, что у меня нет ствола! – воскликнул Костя, прежде чем зашагать в указанном направлении.
- Некоторое время Бондарь провожал взглядом его стремительно удаляющуюся фигуру. Крепко сбитый, остриженный почти наголо, он напоминал заурядного братка, спешащего по своим темным бандитским делишкам. В Крыму, где вот уже почти двадцать лет продолжалась непрерывная криминальная война, такая внешность превращала Костю чуть ли не в невидимку. На настоящий момент он был единственным секретным оружием Бондаря, вынужденного действовать фактически голыми руками.
- Правда, не в первый раз.

* * *

В черной воде гавани плавали отражения огней, похожие на отблески затонувших звезд. Фонари, тянущиеся вдоль набережной, уходили вдаль светящейся гирляндой, постепенно превращаясь в крохотные бусины. Они были золотистыми, тогда как облака на ночном небосводе серебрились в лунном сиянии. «Будь на моем месте поэт, – подумал Бондарь, – он обязательно сочинил бы несколько романтических строк. Например, про далекие пароходы на горизонте, которые плывут то ли по морю, то ли уже по небу. Про монету Луны, за которую не купишь и тысячной доли здешних красот и чудес. Про одуряющий запах лаванды, от которого голова идет кругом».

Выбросив из головы всю эту лирику, Бондарь взглянул на часы. Дубинский опаздывал уже на две минуты. Не слишком обнадеживающее начало. Куда же делась его недавняя прыть? И не бежал ли он сейчас трусцой в прямо противоположном направлении?

Бондарь снова внимательно посмотрел вокруг. Надо отдать Дубинскому должное, место для встречи он выбрал грамотно. Бондарь находился на совершенно пустой площадке – весьма удобный объект для скрытого наблюдения... или снайперского выстрела. Заметный отовсюду, как исторический монумент, торчащий из моря. Костя, укрывшийся под уходящим в темноту молом, ничем не мог помочь напарнику в случае опасности. Чтобы добраться до Бондаря, ему потребовалось бы около минуты, а за это время в человека можно всадить пулю двадцать, не меньше.

Хотя, как правило, бывает достаточно одной.

Бондарь поежился, ощущая усиливающуюся прохладу, исходящую от моря. Едва слышимый плеск волн уже не казался ему умиротворяющим. Это походило на безостановочное чавканье, издаваемое невидимым чудищем. Достаточно огромным, чтобы слизать с поверхности земли и крохотных людишек, и набережную, и весь город, притаившийся во мраке. Помимо монотонного плеска в ночи раздавалось отдаленное тарахтение мотоцикла, шум автомобильных моторов, собачий перебрех, столь же невнятные человеческие голоса, смех, шарканье ног, перестук колес железнодорожного состава.

Не было лишь шепота ангела-хранителя, призывающего во всем положиться на него.

Справа от Бондаря высилось бетонное здание на столбах, чем-то напоминающее паром, готовый устремиться в море. «Если на его крыше залег снайпер, – подумал Бондарь, – то ему ничего не стоит отправить меня туда, где пребывает ныне Эльдар Сейдуллин. Хотя пускаться на подобные хитрости не обязательно. Достаточно подъехать ко мне на машине и сделать пару выстрелов в упор. Простенько и со вкусом».

Сразу за этой мыслью в его голове пронеслась еще одна, короткая: *накаркал*.

Темнота озарилась светом автомобильных фар. Работающие в режиме дальнего света, они слепили Бондаря, когда тот двинулся навстречу. Идти на сближение с потенциальными противниками было глупо, никто не спорит. Но не более глупо, чем стоять на месте, дожидаясь, пока машина приблизится на расстояние прицельного выстрела.

Не выезжая на площадку, она описала плавную дугу, затормозила и замерла. Это был черный «БМВ». Ощущая, как ветер холодит спину под мгновенно взмокшей рубахой, Бондарь продолжал шагать вперед. Прикуривая на ходу, он отметил, что пальцы совершенно не дрожат, а сердце бьется в почти обычном ритме. Правда, некому было оценить его самообладание в этом безлюдном уголке. Кроме тех, кто сейчас наблюдал за ним из машины.

Кто они?

Водительская дверца распахнулась.

Бондарь хорошенько затянулся, подозревая, что эта порция дыма может стать для него последней. Из машины высунулась мужская нога в кроссовке. Штанина, облегающая ее, была ярко-зеленой. Скорее всего, она принадлежала Дубинскому, хотя он мог находиться в салоне не один.

Очередная затяжка была еще более яростной. Задержав дым в легких, Бондарь остановился, ожидая развязки. Она последовала незамедлительно. Через пару секунд на площадке возник улыбающийся Дубинский, совершенно не отличающийся от своего фотографического изображения. Приветственно взмахнув рукой, он поздоровался:

– Добрый вечер.

Прежде чем откликнуться, Бондарь выпустил дым сквозь стиснутые зубы. Дым был чертовски горьким. Наверное, именно поэтому голос Бондаря прозвучал недружелюбно:

– Во-первых, сейчас глубокая ночь, а не вечер. Во-вторых, кто вам сказал, что я тот самый человек, который вам нужен? Разве мы виделись прежде?

– Но тут больше никого нет, – растерялся Дубинский.

– Вот именно. – Утверждение сопровождалось мимолетной усмешкой. – А вдруг я сотрудник Службы безопасности Украины, которому поручили ликвидировать изменника родины?

– Из... – Несмотря на полумрак, было заметно, что губы Дубинского сделались почти такими же белыми, как его усы. – Уф... Ну и шуточки у вас.

Он вытер лицо носовым платком. Похоже, эта процедура проделывалась им сегодня регулярно. Платок сильно смахивал на старую тряпку для мытья посуды.

– *Шутить изволите вы, Юрий Михайлович*, – произнес Бондарь негромко, но достаточно отчетливо. – Сейчас четырнадцать минут первого. Во сколько мы договорились встретиться?

– Извините. – Тот развел руками. – Просто я решил воспользоваться машиной, на тот случай, если нам придется куда-нибудь проехать. А зажигание барахлит.

– Боюсь, у вас барахлит не только зажигание.

– Э... Не понял?

Бондарь укоризненно покачал головой:

– Вы по-прежнему не поинтересовались, с кем имеете дело.

– Я узнал вас по голосу, – быстро сказал Дубинский. – Вы Стрельцов Евгений Николаевич. Тот самый, кому было адресовано письмо.

– А почему не Кардаш Константин Федорович, который тоже фигурирует в качестве вашего гостя? – Улыбка Бондаря превратилась в широкий оскал черноморской акулы катран. – Откуда такая осведомленность?

– Тоже мне секрет Полишинеля. – Носовой платок Дубинского вновь выпорхнул из кармана. – Ваша фамилия значилась в списке первой, следовательно, вы старший. Разве не естественно предположить, что дело со мной будете иметь вы, а не ваш товарищ?

Да, это звучало резонно. Но Бондарь не отбрасывал вероятность того, что собеседник осведомлен о нем и цели его визита несколько лучше, чем прикидывается. В конце концов, лишь несколько часов назад Бондарь с напарником обнаружили мертвым того самого человека, который должен был обеспечить их всем необходимым. Такое вот кровавое стечение обстоятельств.

– Курите? – спросил Бондарь, неожиданно повышая голос.

Это было сделано уже после того, как его рука, сжимающая сигаретную пачку, молниеносно вынырнула из кармана и замерла в нескольких сантиметрах от бледного лица Дубинского.

Отшатнувшись, тот шумно сглотнул слюну и просипел:

– Давно бросил. Я же сказал, что занимаюсь спортом.

– А Эльдар?

– Что Эльдар? – Дубинский проделал привычную манипуляцию с платком, после чего тот стал похож уже не на посудную тряпку, а на лоскут, которым протирали стекла автомобиля, осуществившего автопробег вдоль всего крымского побережья.

– Он тоже занимался спортом? – спросил Бондарь.

– Понятия не имею. У меня нет привычки панибратствовать с подчиненными. Послушайте. – Кадык Дубинского запрыгал, как мячик для пинг-понга, – вы ведь пригласили меня сюда с какой-то определенной целью. Говорите, что вам нужно, и расстанемся. Когда я выбиваюсь из режима, у меня начинается бессонница.

– Сегодня она вам гарантирована, Юрий Михайлович.

– Что?

Бондарь молча изучал его взглядом до тех пор, пока он не повторил вопрос в развернутой форме:

– Что вы сказали?

– Когда вы в последний раз виделись с Эльдаром Сейдуллиным? – Бондарь перевел глаза на посеребренное небо с вкраплениями звездных алмазов.

– Сегодня утром, – ответил Дубинский подсевшим голосом. – А в чем дело?

– У него была жена?

– Нет.

Бондарь отметил про себя эту маленькую оговорку. *Дубинский не обратил внимания, что об Эльдаре говорится в прошедшем времени.* Не бог весть какая оплошность, но забывать о ней не следовало.

– А постоянная любовница? – продолжал он допрос.

– Нет. Насколько мне известно, нет, – уточнил Дубинский.

– Рыжеволосая. С хорошей фигурой. Полагаю, она питала слабость к одежде алого цвета. Во всяком случае, именно такое платье было на ней, когда...

Тут вышла заминка, хотя Бондарь вовсе не собирался делать многозначительную паузу. Просто он вдруг отчетливо вспомнил, как именно сидело платье на женщине. И во что превратились ее роскошные волосы после выстрела в затылок. На своем веку Бондарь повидал немало трупов, но до сих пор не научился сохранять безразличие при виде мертвых женщин, особенно если их гибель как-то связана с его профессиональной деятельностью.

Дубинский, встревоженный затянувшимся молчанием собеседника, переступил с ноги на ногу:

– Когда... – Это прозвучало, как нетерпеливое эхо.

Бондарь нашел нейтральный вариант ответа:

– Когда мы нашли ее.

– Где? – вырвалось у Дубинского.

– На Эльдаре Сейдуллине.

– Ничего не понимаю.

– Мы тоже. *Кто мог убить их?*

– У...

– *Убить*, – Бондарю не составило никакого труда закончить слово, которое так и не решился выговорить новый знакомый.

* * *

Дубинский помотал головой, как бык, получивший ошеломляющий удар между глаз. Его благородная седина вмиг потускнела, а усы обвисли. И его вид не изменился к лучшему за то время, которое понадобилось Бондарю для рассказа о посещении катера. Похоже, Дубинский был потрясен. А может, просто напуган. Или то и другое одновременно.

– Как же это могло случиться? – промямлил он.

– А как это обычно случается? – ответил Бондарь вопросом на вопрос. – Внезапный приступ страсти. Они даже не успели полностью раздеться, так спешили. Их не смутило отсутствие душа на катере. Если уж ваши сотрудники занимаются оральным сексом, то не мешало бы привить им элементарные навыки гигиены. В такую жару... – Не договорив, Бондарь осуждающе цокнул языком.

– Послушайте, – занервничал Дубинский. – При чем тут какая-то гигиена, когда людей убивают средь бела дня?

– Вы предполагаете, что их следовало прикончить под покровом ночи?

Бондарь умышленно морочил собеседнику голову, наблюдая за его реакцией. Пока что явных проколов Дубинский не допустил. Его поведение было естественным... или почти естественным.

– Кто-нибудь видел вас на причале? – спросил он, решив не обращать внимания на подначки.

– Надеюсь, что нет, – ответил Бондарь, переходя на серьезный тон. – *Очень надеюсь на это, Юрий Михайлович.* И мои парни тоже. Представляете, они втемяшили себе в голову, что нас хотели подставить.

– *Парни?* – Голова Дубинского по-птичьи завертелась по сторонам, безуспешно выискивая в темноте возможных спутников Бондаря. – Разве вы прибыли к нам не вдвоем?

– Гораздо эффективнее работать сплоченной командой.

– И где же остальные?

– Роят землю.

Дубинский едва не поперхнулся слюной:

– Вы решили похоронить Сейдуллина сами?

– Они роют землю в переносном смысле, – пояснил Бондарь. – Ищут тех, кто побывал на катере до нас. Кстати, вы должны это... *знать*.

– Откуда? – Руки Дубинского прижались к груди, теребя ткань спортивного костюма. – Клянусь вам, я ничего не знаю... Ни сном ни духом...

– Вы, наверное, ослышались, Юрий Михайлович. Я не сказал: *знать*. Я сказал: вы должны это *узнать*.

– Но каким образом?

Бондарь поморщился:

– Только не говорите мне, что у вас не налажены связи с милицией. Или что нечем платить взятки. Не позднее завтрашнего утра трупы на вашем катере будут обнаружены, так что вам в любом случае придется общаться со следователем. Вот и наведите справки. – Наклонившись к уху Дубинского, Бондарь доверительно произнес: – Подозреваю, что убийство напрямую касается всех нас. Если вам не дорога наша безопасность, то позаботьтесь о своей собственной. Это не просто добрый совет, Юрий Михайлович. Это пожелание. Настойчивое.

– Конечно, – закивал Дубинский энергично, как воробей, клюющий зерна. – Завтра же попытаюсь разузнать все, что возможно. Продиктуйте номер своего телефона, пожалуйста. Как только у меня появится достоверная информация, я позвоню вам и сообщу, что контракт заключен. Это будет означать, что через сорок пять минут я жду вас на этом самом месте.

Номер-то Бондарь продиктовал. Но после этого заметил:

– Место новой встречи я назову вам завтра. Не стоит появляться тут снова.

Усы Дубинского слегка перекосились, давая понять, что рот под ними тронула недовольная гримаса.

– Вы мне не доверяете?

– Конечно, нет, Юрий Михайлович. – Бондарь дружелюбно улыбнулся. – Не в моих правилах доверять каждому встречному.

– Я работаю на ФСБ не первый год.

– Я тоже. И во многом – благодаря своей подозрительности.

– Вы ведете себя так, словно находитесь в тылу врага, – сердито сказал Дубинский.

– Ошибаетесь. – Бондарь покачал головой. – На передовой, всегда на передовой.

– По-моему, это просто глупо. Но дело ваше.

– Мое. Только мое.

– Ну что ж. – Поколебавшись, Дубинский сменил тему разговора. – Вам нужно оружие?

– Не только, – ответил Бондарь. – Но об этом мы поговорим завтра.

Ему не терпелось почувствовать тяжесть пистолета за поясом брюк, однако сперва нужно было убедиться в лояльности резидента. Еще не хватало принять от него стволы, проходящие в милицейской картотеке по делу о каком-нибудь нераскрытом убийстве. Самый простой способ вывести соперников из игры. Нет, Бондарь не спешил клевать на закинутый крючок.

– В любом случае, – произнес Дубинский, – я могу обеспечить вас всем необходимым. Вообще-то снабжение... э-э... гостей входило в обязанности Эльдара Сейдуллина, но раз уж так получилось...

– Получилось хреново, – сказал Бондарь напрямик. – Хуже не придумаешь. Вам придется очень постараться, чтобы реабилитировать себя, Юрий Михайлович.

– Я обязательно найду замену бедняге Эльдару и выжму из ментов все подробности, – пообещал тот, прикасаясь растопыренной пятерней к сердцу. – Завтра вы будете располагать самой полной и достоверной информацией.

– В таком случае до завтра. А то я уже изнываю от нетерпения.

Дубинский открыл дверцу машины:

– Вас подвезти?

– Не стоит, – ответил Бондарь, глядя ему в глаза. – Пешие прогулки не менее полезны, чем бег трусой.

Лицо собеседника то ли покраснело, то ли просто потемнело – при слабом ночном освещении не разберешь.

– Ох уж эти шпионские страсти, – произнес он с чувством. – Страсти-мордасти.

– Жду вашего звонка. – Тон Бондаря оставался ровным и совершенно бесстрастным. – Приятных снов не желаю.

– Я вам тоже, – вырвалось у Дубинского.

– Тогда до свидания.

– Покойной ночи.

Дождавшись, пока он сядет за руль и включит зажигание, Бондарь негромко окликнул его:

– Юрий Михайлович.

– Что еще? – Дубинский высунулся наружу, вопросительно подняв брови.

– В наших кругах не принято говорить на прощанье «покойной ночи».

– Почему? – Теперь в движение пришли не только его брови, но и усы.

– От этого выраженьица моргом попахивает, – сказал Бондарь. – У кого нынче *покойная* ночь, так это у вашего любвеобильного капитана Сейдуллина.

Переварив услышанное, Дубинский по-черепашьи втянул голову внутрь машины и тронул ее с места. Пронзительно взвизгнув тормозами, она развернулась и помчалась прочь. Некоторое время Бондарь провожал взглядом габаритные огни. Почему-то они казались ему красными глазами стремительно пятащегося зверя, и этому зверю не терпелось скрыться во мраке.

Глава 4

На кладбище не все спокойненько

Их разбудил грохот над головами. Было такое впечатление, что по крыше бегают целое стадо слонов, радующихся наступлению нового утра. Впечатление оказалось обманчивым. Позвонив администратору, Бондарь выяснил, что это никакие не слоны, а строители, ремонтирующие кровлю и чердак.

– Тогда я спокоен, – заявил Костя, откинувшись на плоскую гостиничную подушку. – Согласись, это меняет дело. Когда тебе не дают спать слоны, это одно. А когда тебя будят самые обычные работяги, то это совсем другое.

Признав его правоту, Бондарь отправился в ванную, где принял душ, тщательно причесался и побрился, отполировав подбородок до такой степени, что шрам на нем заблестел, как новенький. Дождавшись, пока Костя тоже приведет себя в порядок, он снял трубку телефона и, не набирая номер, разыграл маленький спектакль, притворившись, что звонит в ресторан:

– Алло... Здравствуйте... Я хотел бы заказать завтрак в номер. – Бондарь украдкой заглянул в книгу напарника. – Итак, большой стакан апельсинового сока, яичницу с беконом из трех яиц, не слишком зажаренную, двойной кофе-эспрессо со сливками. Тосты. Джем. Все понятно?

– Я бы тоже пожрал, – напомнил о себе Костя.

– Минутку. – Прикрыв безмолвную трубку ладонью, Бондарь вопросительно взглянул на него: – Как насчет белужьей икры? В ресторане говорят, что новую партию доставили на прошлой неделе.

– А посвежей ничего нет? – спросил Костя.

– Почему же нет. Можно порекомендовать копченую семгу, которую без конца трескает герой твоего шпионского романа. – Кивнув на книгу в яркой обложке, Бондарь положил трубку и продолжал, уже не скрывая сарказма: – Слушай, а как насчет спаржи в беарнском соусе и ломтика ананаса? И не захочешь ли ты полакомиться мозговой костью после клубничного десерта?

– Захочу, – нахально заявил Костя. – За твой счет.

В гостиничном буфете, куда они отправились вместе, охота шутить пропала у обоих. Напротив, холодные котлеты, поданные на завтрак, настроили Костю на философский лад.

– Конечно, – сказал он, – это плохо, что у них не работает печка. Но зато не вышел из строя холодильник, а это плюс. Мы не отравимся котлетами. И сможем посвятить день поискам, вместо того чтобы сидеть на унитазах.

В чем-то он был прав, а кое в чем ошибался. Далеко уходить от унитаза ему не пришлось, потому что Бондарь оставил его дежурить в номере. Косте было велено обзвонить все севастьяпольские больницы, морги и отделения милиции, представляясь родственником пропавшего без вести Малютина. Запросы по официальным каналам делались из Москвы, но существовала незначительная вероятность того, что в частном порядке удастся выяснить что-то новенькое.

Сам Бондарь решил обойти бары, кафе и рестораны, в которых мог засветиться Малютин. Учитывая его пристрастие к спиртному, это могло сработать. Рассовав по карманам денежные купюры различного достоинства и фотографии старпома, Бондарь отправился на поиски.

Они оказались утомительными и безрезультатными. Вернувшись в гостиницу под вечер, он разбудил задремавшего напарника и выяснил, что его телефонные разговоры тоже не принесли успеха.

– Что ж, – заключил Бондарь, – придется прощупать малютинскую подружку, Ариану.

– Прощупать? – Костя моментально сбросил сонную одурь, сделавшись необыкновенно деятельным и энергичным. – Что за птица? Хороша собой?

– Утомонись, Казанова. Девушка представляет для нас чисто профессиональный интерес.

– Профессиональный, – согласился Костя, разминаясь возле окна, – а какой же еще.

Он стоял к Бондарю спиной, но на его физиономии наверняка блуждала улыбка. Казалось, что она просвечивается сквозь Костин затылок. Поэтому Бондарь с особым удовольствием заверил напарника, что вступать в контакт с Арианой ему не придется.

– Почему? – спросил тот, прерывая зарядку.

– Твоя задача охранять меня, – сказал Бондарь. – Охмурение женщин в твои обязанности не входит.

– Жаль, – вздохнул Костя. – Я уже целый месяц обхожусь без баб, веришь?

– Верю. Именно поэтому тебя к ним нельзя подпускать на пушечный выстрел.

– Кстати, о пушечных выстрелах. Слыхал, как сегодня в полдень шандарахнуло? Целых три раза. Я уж решил, что русский десант высадился.

– Вынужден тебя разочаровать, – сказал Бондарь. – Это был салют на Константиновской батарее. Старинная флотская традиция, заведенная чуть ли не двести лет назад. Раньше по выстрелам сверяли часы все экипажи.

– Откуда такие познания? – удивился Костя.

– А я в двенадцать часов болтал с одной премиленькой барменшей из Инкермана. – Бондарю не стоило труда изобразить ленивый зевок. – Она-то мне про салют и рассказала. Симпатичная девушка. Приглашала меня заглянуть вечером. Лучше с товарищем.

– И что ты ей ответил? – В Костиных глазах загорелись маниакальные огоньки.

– Я сказал, что у нас другая программа.

Огоньки погасли, устремленные на Бондаря глаза сделались тусклыми и скучными.

– Понятно, – буркнул Костя и опять рухнул на кровать.

Вид у него был такой, словно он готовится помереть от тоски. Полюбовавшись им, Бондарь закурил и как бы между прочим сказал:

– Не вешай нос. Если Малютин не успел сплавить прибор и если нам его удастся найти, то треть сэкономленных командировочных пустим на празднования по этому поводу.

– Ты не шутишь?

– В данном случае – нет.

– Мы его найдем, – пообещал Костя с угрозой. – Обязательно найдем. В самом скором будущем.

Бондарь промолчал. По всей видимости, эти слова были адресованы не столько ему, сколько севастопольским красавицам, до которых спецназовец мечтал добраться не меньше, чем до искомого Малютина.

Если это было действительно так, то Бондарю было искренне жаль ту бедняжку, которая первой попадет в медвежьи объятия Кости.

* * *

Телефонный звонок раздался около шести вечера, когда возня на крыше наконец закончилась, сменившись мешаниной будничных шумов провинциальной гостиницы: рокот унита-зов, пьяный гогот за стеной, разноголосье включенных на полную громкость телевизоров.

– Контракт заключен, – бодро отрапортовал Дубинский. – Готов изложить подробности при встрече. Куда мне подъехать?

Бондарю внезапно вспомнился увиденный вчера крест на холме.

– У вас тут есть прелюбопытный храм в форме пирамиды, – сказал он.

– А, это наша достопримечательность, – хохотнул Дубинский. – Храм Святого Николая Чудотворца. Возведен на Братском кладбище участников первой обороны Севастополя.

– Встретимся там, – Бондарь бросил взгляд на часы, – ровно в восемь.

– До храма можно добраться за полчаса...

– Но вы доберетесь туда ровно в восемь, – отрезал Бондарь, после чего отключил телефон и взглянул на Костю. – Мы должны прибыть на место пораньше. Хочу лишний раз убедиться в том, что Юрий Михайлович не таскает за собой свору соглядатаев.

– Резонно, – согласился Костя. – Сверху будет удобно наблюдать за дорогой.

– И любоваться закатом. Собирайся. Через десять минут выходим.

Наспех ополоснувшись под душем, напарники оделись и покинули номер, оставив в «молниях» своих сумок по паре традиционных волосков, которые должны были оповестить их о негласном обыске, если таковой будет проведен.

Поймать такси оказалось проще простого, так что вскоре они катили в сторону Братского кладбища, расположенного на склоне холма, возвышающегося над северной частью города.

– Поидымо чэрэз Курыну балку, – авторитетно заявил водитель. – Так будэ бльжче.

Это был первый крымчанин, заговоривший с москвичами по-украински, и они прислушивались к его речи с настороженным любопытством. Создавалось впечатление, что таксист специально коверкает русский язык, чтобы подразнить приезжих своей «широю украинською мовою».

Небрежно управляя «Волгой» одной рукой, он поведал Косте и Бондарю историю кладбища. Могилы, в которых покоились по сто и более убитых, рыли в основном солдаты и матросы арестантских рот. Иногда вместо деревянных крестов на могилах выкладывали крест из неприятельских бомб и ядер. Во время ветра пустые снаряды с отверстиями издавали несмолкаемый гул, напоминающий отпевание или жалобный плач по убитым.

– Як оти бабы, – высказался таксист. – Та тэпэр там нікому галасуваты.

– *Голосовать?* – переспросил Костя. – Почему на кладбище?

– Тю, а дэ ж ще жінкам рыдаты як нэ на кладовищі?

Оба уставились друг на друга с недоумением, а Бондарь внезапно припомнил эпизод из булгаковской «Белой гвардии» и решил проверить, насколько хорошо классик разбирался в психологии украинцев.

– Скажи-ка, – попросил он таксиста, – а как будет по-вашему *кот*?

– Кит, – ответил тот.

– Тогда как будет *кит*?

По Булгакову, таксисту следовало насупиться и прекратить с насмешником всякое общение. Вместо этого он пожал плечами и сказал:

– Тоже кит.

– Как же вы их различаете? – спросил Бондарь.

– Що, мы з глузду зъихалы зовсим? – удивился таксист. – Одын кит живэ у хати, другый – у мори. Хиба ж воны схожи одын на одного?

Бондарь прикусил язык. Против этой убийственной логики возразить было нечего. Костя, огорошенный не меньше, тоже помалкивал, бросая на водителя долгие задумчивые взгляды. Тот как ни в чем не бывало смотрел прямо перед собой. Его непоколебимой уверенности в собственной правоте оставалось только позавидовать.

* * *

Начавшийся подъем становился с каждой минутой все круче и круче. Таксисту пришлось переключиться с третьей скорости на вторую. Бондарь физически ощущал, с каким напряже-

нием работает старенький двигатель. Его подмывало подталкивать «Волгу» мысленным усилием.

То и дело она сворачивала на горизонтально расположенные улочки, а потом дорога вновь убегала наверх. Пешеходные тротуары были выложены из плит, образующих ступени. Изредка на них попадались люди, устало бредущие в гору. На фоне оранжевого предзакатного неба, пышной зелени и морской синевы их фигуры выглядели особенно невзрачными.

Проехав еще немного по асфальтовой полосе, состоявшей из сплошных поворотов, «Волга» остановилась. Помянув бисового батька, таксист пояснил, что дальше дорога перекрыта. И действительно, впереди торчал полосатый барьер, за которым прохаживались двое служивых в касках и бронежилетах. Укороченные автоматы в их руках казались игрушечными.

Костя и Бондарь узнали от таксиста сразу три новости. Первое: такие неприятности часто случаются в Севастополе, который как-никак является военно-морской базой. Второе: объезд займет не менее получаса и обойдется пассажирам в лишних пятьдесят гривен. Третье: если они прибавят к плате за проезд пару червонцев, таксист покажет им кратчайший путь наверх, и уже через десять минут они будут любоваться тамошними достопримечательностями.

Пришлось платить. Не хотелось снова мотаться по городу в разболтанной «Волге», а кроме того, Бондарь и Костя ведь намеревались попасть на кладбище раньше Малютина. В хорошем смысле этого слова.

Таксист бережно вложил протянутые купюры в бумажник, подвел их к малоприметной брешке в кустах и, указав на тропу, сказал, что она ведет напрямик к пирамидальному храму Святого Николая. Посовещавшись, Бондарь с Костей попросили его ожидать их внизу.

– А гроши? – быстро спросил таксист, прищулив один глаз.

– Сколько треба? – спросил Бондарь почему-то тоже по-украински. Дурные привычки привязчивы.

– Сто гривень. – Это было произнесено без запинки. Щирому украинцу не терпелось обобрать двух москалей как липок.

– Восемьдесят, – твердо сказал Костя. – И деньги получишь наверху.

– Га? – изумился таксист. – Чому так?

– Потому что еще неизвестно, куда эта тропинка ведет, – поддержал напарника Бондарь. – Может, в пропасть. А может, в болото.

– Тю, та тут нэмає болот.

– Тогда не кочевряжься, а топай вперед, Сусанин, – проворчал Костя.

– Я нэ Сусанин, я Пылыпчук, – с достоинством заявил таксист, после чего неохотно подчинился.

Очень скоро выяснилось, что проводник был прихвачен не зря. Дважды шедший впереди Пилипчук вступал в кучи наложенного на тропинке дерьма и принимался ругаться на чем свет стоит, шаркая подошвами по камням. Других неожиданностей подъем не таил и оказался не таким уж сложным. Там, где тропа проходила мимо утопающих в ежевике заборов, она была посыпана щебнем, местами даже зацементирована. Петляя по ней, путники вскоре выбрались на вершину холма.

– Гроши, – пропыхтел таксист, протягивая заскорузлую ладонь, сложенную лодочкой.

– Не вздумай нас бросить, – предупредил Костя, расплачиваясь с ним. – Номер твоей колымаги я помню. Обманешь – найду и наизнанку выверну.

– Ну що за люди, що за люди, – запричитал таксист, укоризненно качая головой. – До них с видвэртою душою, а воны... Э, да що там балакаты. – Он махнул рукой. – Россияне. Чого з вас визьмэш?

Взял он, однако, немало. И исчез с такой подозрительной поспешностью, что Бондарь пожалел о решении заплатить ему вперед. Чем-то Пилипчук напоминал отставного украин-

ского президента Леонида Кучму. Такие же песочные волосики и такое же простодушное выражение лица, плохо вяжущееся с постоянно бегающими глазами.

Бондарь не стал делиться своими подозрениями с Костей, но мысленно попрощался и с пройдохой таксистом, и с казенными денежками.

* * *

Вблизи пирамида храма казалась почти величественной. Измерив шагами одну из ее сторон, Бондарь перемножил двадцать на двадцать и выяснил, что площадь основания составляет чуть больше четырехсот квадратных метров. Вся белая, если не считать фундамента из красного камня, она четко выделялась на фоне фиолетового неба. Когда включились прожектора подсветки, в центре гранитного креста проступило рельефное изображение лаврового венка. Оценив толщину каменных стен, Бондарь подумал, что храм запросто мог бы выдержать долговременную осаду, тем более что его вытянутые окна представляли собой почти классические бойницы. Остановившись перед порталом, можно полюбоваться мозаичным изображением Христа. В своей ярко-красной хламиде на не менее ярком фоне он так и просился в компанию битлов с обложки знаменитого альбома «Сержант Пеппер».

Невольная улыбка сползла с лица Бондаря, когда его глаза наткнулись на плиты из черного гранита с наименованиями воинских соединений, принимавших участие в обороне. Многие из ее участников пали смертью храбрых. Уцелевшие доживали свой век в нищете, болезнях и бесславии. Истерзанная, обобранная до нитки, одурманенная водкой и наркотиками, Родина-мать позабыла своих героев.

Бондарь повернулся в сторону кладбища, обнесенного каменной оградой с чугунными воротами. Где-то там караулил Костя, скрывшийся от посторонних взглядов. Возле входа на кладбище торчали два старинных орудия. Сквозь листву каштанов и акации проглядывало двенадцатиметровое изваяние Скорбящего матроса с опущенным знаменем.

Казалось бы, вся здешняя обстановка должна была внушать посетителям если не печаль, то хотя бы уважение, но те несколько человек, которые толклись на площадке перед храмом, вели себя так, словно находились на увеселительной прогулке. Трое мужчин подпирали ларек, угощаясь явно не прохладительными напитками и выясняя, кто кого уважает сильнее. Влюбленная парочка на парапете лизалась с таким самозабвением, будто ничего вкуснее чужой слюны на свете не пробовала. Стайка подростков с загадочным видом расхаживала вокруг пирамидального здания, и сдавалось Бондарю, что в карманах их широких штанов хранились баллончики с краской. Значит, утром священнослужители обнаружат на стене храма очередной образец молодежного творчества под названием «граффити». Что-нибудь броское и крайне примитивное, в духе скудоумных собратьев по разуму из Гарлема.

В тот самый момент, когда Бондарь намеревался то ли поморщиться, то ли сплюнуть, на площадку выехал знакомый «БМВ», из которого выбрался Дубинский. В отличие от своих московских гостей, он заехал на холм с противоположной стороны, так что ему не пришлось подниматься пешком. Бондарь отстраненно пожалел об этом. Хотелось бы ему поглядеть, как будет пыхтеть и отдуваться этот приверженец здорового образа жизни, который и на кладбище явился в спортивном костюме. В его возрасте следовало бы одеваться менее броско.

Повернувшись к нему спиной, Бондарь стал любоваться видом, открывающимся сверху. Ночь еще не сгустилась до непроглядной темноты, но в Севастополе уже зажигались огни. Мерцающая и переливающаяся, они смотрелись заманчиво, как мириады бриллиантов, рассыпанных на черном бархате.

– Добрый вечер, – послышалось за плечом Бондаря.

Он медленно повернул голову:

– Вчера вы опоздали, а сегодня явились на семь минут раньше, Юрий Михайлович. Нарушена координация во времени?

– Вы тоже приехали раньше, – напомнил Дубинский, переминаясь с ноги на ногу. Белые кроссовки на его ногах казались непропорционально большими. В руке он держал крохотную бутылочку кока-колы.

– Работа у нас такая, – сказал Бондарь.

– У нас тоже.

– У вас?

– Я имею в виду, что работа у нас общая, – поспешно поправился Дубинский.

Где-то вдаль послышалось сиплое завывание пожарной сирены. Ему вторили вопли то ли «Скорой помощи», то ли милицейской машины. Хотя это никак не касалось Бондаря, в его душу закралась смутная тревога.

Дубинский тоже прислушался к приглушенной какофонии, а когда она стихла, счел нужным продолжить свою мысль:

– Мы все делаем одно дело.

– Не все, Юрий Михайлович, – вздохнул Бондарь. – В том-то и беда, что каждый норовит действовать на свой страх и риск. Одни являются на встречу, когда им вздумается. Другие используют служебные катера в личных целях.

– Кстати, о Эльдаре Сейдуллине. – Выбулькав треть содержимого своей бутылочки, Дубинский вытер усы и продолжил: – Я навел справки. Оказывается, этот козел состоял в так называемой ОПГ, организованной преступной группировке. Их называют у нас балаклавскими, среди них полно крымских татар. Сейчас они как раз воюют с нахимовскими – это банда из другого района города, возглавляемая греком. За неделю погибло восемь человек с обеих сторон. Если предположить, что Эльдара грохнули нахимовские, то он девятый.

– Если предположить, – пробормотал Бондарь, не зная, как отнестись к услышанному.

* * *

Мог ли Сейдуллин пасть жертвой криминальных разборок?

В принципе бандитский беспредел процветал в Крыму с незапамятных времен, когда тут бесчинствовали всевозможные ханы, гетманы и воеводы. В годы Гражданской войны по здешним лесам и степям рыскали то банды, то карательные отряды, вырезая под корень жителей хуторов и деревень вместе со скотиной и дворовыми собаками. Потом была кровавая страда Великой Отечественной, потом массовые депортации целых народов, сотрудничавших с гитлеровцами. В горбачевскую эпоху они вернулись, но уже вместе с обидой и ожесточением, с уголовным прошлым и ненавистью к «захватчикам», обрекшим их на полувековые скитания на чужбине.

Все это привело к поголовной деградации и криминализации местного населения. В Крыму продолжался уголовный беспредел, давно прекратившийся в остальной Украине. Севастополь, в котором размещались российские и украинские военно-морские базы, превратился в вотчину братвы. Раздел Черноморского флота породил высвобождение из-под контроля огромного количества оружия и воинского имущества, попавшего в руки всякого сброда. А расформирование воинских частей привело к тому, что вокруг Севастополя образовались целые поселения, жители которых щеголяли армейской выправкой и придерживали на ходу подозрительно оттопыренные карманы.

Никто не знает, сколько бывших офицеров, прапорщиков и беглых солдат пополнило ряды местных преступных группировок, но их была тьма. Банды, диаспоры, кланы и псевдопартии постоянно кроили и перекраивали карту полуострова.

Мог ли Эльдар Сейдуллин пасть жертвой этой междоусобицы? Запросто. Татары прикончили парочку греков, те в отместку убили нескольких татар. Обычное дело. Волки грызутся между собой за лучшие куски.

– О чем вы думаете? – нарушил затянувшееся молчание Дубинский.

Бондарь смерил его тяжелым взглядом:

– Я думаю, вам следовало бы уделять побольше внимания главной задаче, вместо того чтобы заботиться о фигуре.

– Одно другому не мешает.

– Да? – Бондарь демонстративно поднял брови. – И это говорит мне человек, доверивший ответственнейшее поручение заурядному бандиту? Хорош бы я был, если бы воспользовался его услугами. Нужно тщательнее подбирать людей, Юрий Михайлович.

Дубинский откашлялся:

– Для этого требуется много времени и много денег.

– Тех денег, которые прокручиваются в вашем турагентстве, хватает с лихвой, – отрезал Бондарь. – Не станете же вы утверждать, что приобрели иномарку на собственные сбережения? Их хватило бы на эти замечательные кроссовки, в которых вы щеголяете, согласен. – Взгляд Бондаря скользнул вниз, многозначительно задержавшись там. – Может быть, даже на ваш не менее замечательный костюм, в котором вы, похоже, днюете и ночуете.

– Уж не собираетесь ли вы указывать мне, во что одеваться? – напыжился Дубинский.

– Разумеется, нет. – Тон Бондаря оставался умеренно неприязненным. – Но, согласитесь, глупо угодить в морг в таком виде. Если ваш труп не будет опознан, то вас так и похоронят – в спортивном костюме, а вы ведь не мальчик.

Бутылочка коки выпала из ослабевших пальцев Дубинского, ударилась о парапет и, кувыркаясь, полетела вниз, где разбилась при соприкосновении с ноздреватым валуном. Хлопок прозвучал резко, словно пистолетный выстрел. Заметив краешком глаза фигуру Кости, возникшего на площадке с проворством чертика, выскочившего из табакерки, Бондарь предостерегающе приподнял руку. Дубинский этого жеста не заметил. Все его внимание было приковано к глазам собеседника. Наверное, он пытался прочесть в них свой смертный приговор.

– На что... – Ему пришлось хорошенько прочистить горло, прежде чем его голос зазвучал более-менее отчетливо. – На что вы намекаете?

– Случайные половые связи опасны для здоровья в частности, – проникновенно произнес Бондарь. – Случайные деловые связи опасны для жизни вообще. Прошу усвоить это на будущее. Если оно вам дорого.

– Этот Сейдуллин, – Дубинский повертел шеей, словно высвобождаясь из невидимой петли, – он показался мне надежным человеком. Немногословный, исполнительный, с боевым опытом за плечами. Ему можно было поручить любое деликатное дельце.

– Да, по части деликатных делишек он был мастак, – хмыкнул Бондарь, вспомнив непристойную картину в каюте катера. – Кстати, личность его подруги установлена?

– Милиционеры предполагают, что труп принадлежит приезжей. Фамилию пока назвать не могут. Вы же знаете, сколько в Севастополе отдыхающих. – Дубинский ткнул пальцем в ночной город, раскинувшийся внизу. – Пока что заявлений о пропаже женщин не поступало. Будем ждать результатов следствия.

– Полагаете, я именно для этого и приехал?

– Я понятия не имею, зачем вы приехали. Не знаю и не хочу знать. Меня это не касается. Но я убежден, что смерть Сейдуллина не имеет к этому ни малейшего отношения. Нет никаких причин волноваться. На катер будет принят новый человек.

– На этот раз из нахимовской группировки? – саркастически спросил Бондарь.

– Я не из тех людей, которые дважды наступают на одни и те же грабли, – торжественно произнес Дубинский.

– Вы наступаете на *разные* грабли?

Не придумав ответа, он сделал вид, что подтягивает штаны, которые и без того сидели на нем высокомерно, деля туловище примерно на две равные половины. Это придавало ему некоторое сходство с неваляшкой. Бондарю было нелегко удержаться от желания сбить его с ног и посмотреть, что из этого получится. Но вместо этого он перевел беседу в деловое русло:

– На катере должны были храниться кое-какие вещички. Их конфисковали при обыске?

– Вы имеете в виду оружие? – перешел на шепот Дубинский. – Оно в целости и сохранности. На «Афалине» имеется отличный тайник. Постороннему его ни за что не отыскать.

– И радиоаппаратура тоже на месте? – недоверчиво спросил Бондарь.

– Нет. И оружие, и аппаратура исчезли.

– Куда же это все подевалось?

Дубинский захихикал:

– Вот видите, я тоже умею шутить.

– Мне не нравятся ваши шутки, – признался Бондарь.

– А мне – ваши.

– Хватит валять дурака. Где вещи?

– В багажнике моего автомобиля. – Дубинский не поленился повернуться всем корпусом назад, чтобы указать на «БМВ», сиротливо приткнувшийся подле храма. – Я решил, что арсенал вам может понадобиться. В свертке находятся...

– Мне отлично известно, что находится в свертке, – отчеканил Бондарь. – Вернее, что там *должно* находиться. И если выяснится, что в комплекте недостает хотя бы одного патрона, хотя бы одного микрофона, то...

– Ну вот, опять вы за свое, – перебил его Дубинский, глаза которого погрузнели, сделавшись похожими на пару маслин, вымоченных в масле. – Сколько можно, Евгений Николаевич? Мы ведь с вами играем в одной команде.

– Лично я не играю, а работаю. Тащите сюда пакет.

– Я вам не мальчик на побегушках. Пойдемте вместе, и забирайте свои вещи сами.

На протяжении нескольких долгих секунд они сверлили друг друга взглядами. Наконец Дубинский не выдержал и уже приготовился выполнить распоряжение Бондаря, когда тот примирительно похлопал его по плечу:

– Не обижайтесь, Юрий Михайлович.

– Вы обращаетесь со мной, как с предателем, – выпалил он. – Если подозреваете меня в чем-то, то так и скажите, а не ходите вокруг да около.

– Все в порядке, – сказал Бондарь. – Просто происшествие на катере выбило меня из колеи.

– Роковая случайность. – Дубинский пожал плечами.

– Допускаю, что это так. Лишь бы случайности подобного рода не сделались роковой закономерностью.

Произнеся эти слова, Бондарь снова хлопнул Дубинского по плечу, на этот раз сильнее, и они вместе зашагали к машине. Наверное, со стороны они выглядели, как добрые приятели, но обоим не терпелось поскорее распрощаться и потерять друг друга из виду. Во всяком случае подвезти Бондаря к гостинице Дубинский не вызвался. И его рука, которую пришлось пожать при расставании, оказалась на ощупь дряблой и влажной, как дохлая лягушка.

* * *

– Чисто, – доложил Костя, вышедший из укрытия, когда «БМВ» покинул площадку перед храмом. – За то время, пока вы общались, наверх не поднялась ни одна собака.

– У меня тоже хорошие новости. Целых две. – Бондарь растопырил соответствующее количество пальцев. – Во-первых, теперь мы полностью экипированы. Здесь, – он приподнял пакет, – находится все, что нам может понадобиться в работе. Во-вторых, наш спортсмен утверждает, что убийство Сейдуллина не имеет к нам никакого отношения. Криминальная разборка. Обычное дело.

– Хотелось бы верить, – буркнул Костя.

– А ничего другого нам не остается.

Закончив дискуссию на этой оптимистической ноте, Бондарь направился к тропинке, ведущей вниз. Площадка почти опустела, лишь влюбленная пара самозабвенно лизалась в тени деревьев. Продавец запер свой ларек на ночь, грохоча стальными ставнями. За распахнутой дверью храма виднелась одинокая фигура священника, слоняющегося по залу в золотистом сиянии лампад и свечей. Было приятно думать, что он размышляет не о хлебе насущном, а о вечности, уготованной его душе, хотя, конечно же, это было не так.

Переглянувшись, Бондарь и Костя начали спускаться, не забывая поглядывать под ноги, чтобы не свернуть шеи раньше, чем это попытаются сделать потенциальные враги. В большинстве домишек за оградами горел свет, отовсюду пахло жареной рыбой. Во дворах царил беспорядок. Охранявшие их псы отзывались на шаги тоскливым полаиванием.

– Я же предупреждал этого мудака, – выругался Костя, когда тропа выбежала на асфальтовую ленту шоссе. – Слинял, гад. Встречу – башку отвинчу, веришь?

– Верю, – буркнул Бондарь.

Таксиста действительно не было видно. На пустынной дороге находился только часовой, прохаживавшийся вдоль заграждения. Давая понять, что его лучше не беспокоить по пустякам, он передернул затвор своего автомата. Металлический щелчок прозвучал в ночной тишине очень отчетливо и внушительно.

– Пойдем пешком, – сказал Бондарь.

– Мудрое решение, – откликнулся Костя, пристраиваясь рядом. – А я опасался, что ты предложишь лететь по воздуху.

– Родина прикажет, полетишь как миленький.

– А что, запросто. – Костины губы растянулись в самодовольной ухмылке. – Сам знаешь, для бывалого спецназовца ничего невозможного нет.

Бондарь знал. Личное дело напарника было изучено им вдоль и поперек. Константин Кардаш принадлежал к числу вымирающего племени *настоящих* спецназовцев, присягавших на верность еще Союзу Советских Социалистических Республик. Служил он в элитной 22-й бригаде, бойцов которых называли «серыми волками» за шевроны со звериным оскалом и надписью «Побеждают сильнейшие». Три «волчьи» роты специализировались по акциям в так называемых театрах военных действий. Четвертая, Костина, рота предназначалась для выполнения особых заданий в тылу, и ее личный состав был представлен поголовно прапорщиками, успевшими нюхнуть пороха и знавшими почем фунт свинца.

Очень может быть, что их обучали и летать – достоверно это никому не известно. Но одно Бондарь знал точно: его напарник по всем параметрам превосходил и папашу Терминатора, и «матричного» Нео, и всех каскадеров, вместе взятых.

Специалисты относили его характер к «пассивно-агрессивному типу», который, между прочим, считается идеальным для бойца спецподразделения. Костин интеллект был лишь чуточку выше среднего, зато в его характеристике значилось, что он склонен к риску (но не без авантюризма); в своих неудачах винит обычно себя, а не «обстоятельства» или других людей; ценит мужскую дружбу; самостоятелен в своих оценках и решениях; умеет быстро перестраивать поведение в зависимости от ситуации.

Тем, кто думает, что эти и им подобные качества особого значения не имеют, следует напомнить, что бойцы спецназа действуют в отрыве от своих войск, на вражеской территории,

причем не пару часов, а в течение нескольких дней или даже недель. При этом они постоянно играют в прятки с контрразведкой противника и лишены права на ошибку.

У Бондаря такого права тоже не было, поэтому, шагая по пустынному шоссе, он на ходу проверил, заряжены ли пистолеты.

– Дал бы мне пушку, – попросил Костя. – А то без оружия я чувствую себя каким-то неполноценным, веришь?

– Сперва доберемся до гостиницы, – ответил Бондарь, не сбрасывая со счетов возможность появления милицейского патруля. Избавиться от пакета было легче, чем от пистолетов, торчащих за поясом.

Как вскоре выяснилось, их ожидал совсем другой сюрприз, но тоже очень неприятный.

* * *

За очередным поворотом показались человеческие фигурки и автомобили, сгрудившиеся у обочины. Подойдя поближе, Бондарь разглядел очертания пожарной машины. Стояли на дороге также милицейский «уазик» и «газель» с красным крестом на боку.

Далеко внизу, на склоне холма, догорал обугленный остов легковой машины. По-видимому, пожарникам не удалось приблизиться к пламени вплотную, а водяные струи из брандспойтов не достигали своей цели. Тушение велось для проформы. Все, что могло сгореть, уже сгорело. Дотла.

– Это он, – угрюмо сказал Костя.

– Кто? – спросил Бондарь, заранее зная ответ.

– Наш хитровыделанный таксист.

– С чего ты взял?

– Нутром чую. Точнее, задницей.

– Тоже мне, экстрасенс выискался, – сказал Бондарь.

– Не знаю, как насчет этих... экстрасенсоров, а у нашего брата главный барометр в кормовой части расположен, – заявил Костя, похлопав себя по ягодице. – И этот барометр подсказывает мне, что дело пахнет керосином.

– Не нагнетай обстановку.

– А она и без того нагнетенная, дальше некуда.

Через пару минут они присоединились к зевакам, раздувшиеся ноздри которых жадно впитывали запах дыма и чужой беды. Никто не обращал на Костю и Бондаря внимания. Зато они не пропускали ни одной мелочи, приглядываясь и прислушиваясь к происходящему вокруг. К месту события сходились все новые любопытные. Те, кто успел сюда раньше, охотно делились с вновь прибывшими своими наблюдениями. Их голоса звучали возбужденно:

– Если бы не дерево, он бы до самого моря докувыркался...

– А то! Под сотню топил, не меньше...

– Не вписался в поворот...

– Так он, муило, даже затормозить не попытался...

– Небось пытался, да только тормоза заклинило. Так бывает, когда на спуске сцепление выключают...

– Точно-точно! Таксисты вечно бензин экономят. За лишнюю каплю удавиться готовы...

Костя возбужденно прошептал:

– Слышал? Это был *таксист*.

– Да знаю, знаю, – пробормотал Бондарь. – Вон он валяется, красавец. Собственной персоной.

Проследив за направлением жеста, Костя выругался. На дороге, освещенной десятками автомобильных фар, действительно лежал таксист, доставивший напарников к храму. Окро-

вавленная простыня, которой он был укрыт, сползла, пока двое санитаров перекладывали его на носилки.

И-да, не повезло бедолаге. Не успел даже истратить денежки, которые прикарманил. Проводил пассажиров наверх, вернулся в машину и недолго думая дал деру. Чем это закончилось, можно было судить по рассказам очевидцев:

- Гляжу, несется прямо на меня как угорелый...
- Мы стоим, а он мимо – ш-шух-х! Ну, думаю, этот скоро приедет...
- Не надо было ему на ходу выпрыгивать...
- Тогда сторел бы заживо, на хер...
- Ну чистый каскадер...
- Ага, каскадер. Еще тот. Башка лопнула, как арбуз – хрясь. За версту было слышно...
- Он ка-ак сиганет...
- «Волжана» ка-ак долбанется...
- В жизни ничего подобного не видел...
- Эх, была бы у меня с собой видеокамера...

Костя посмотрел на Бондаря. Бондарь посмотрел на Костю.

Итак, у таксиста отказали тормоза. Учитывая то, что напарники собирались уехать с холма именно на его «Волге», им крупно повезло. Но радости не испытывал ни Бондарь, ни Костя. Потому что вчерашние трупы на катере и сегодняшняя авария представлялись им звеньями одной цепи. Той самой цепи, которая постепенно смыкалась вокруг их глоток.

- Думаешь, на нас охотятся? – спросил Костя, когда они покинули место происшествия.
- Не знаю. Вспомни поговорку про фраера, которого жадность сгубила, – сказал Бондарь, глядя под ноги. – Возможно, таксист слишком торопился смыться, вот и потерял голову. Не зря говорят: «Поспешишь, людей насмешишь».

- Насмешил! Мне почему-то не до веселья, веришь?
- Верю. Мне и самому все это активно не нравится.
- В распоряжении тех, кто вывел из строя тормоза, было минут пятнадцать, не больше, – задумчиво произнес Костя. – И действовать им приходилось на виду у часовых. Как же они ухитрились?

- Я тоже задаю себе этот вопрос. И напрашиваются определенные выводы.

- Какие?

- При самом скверном раскладе, – сказал Бондарь, – это дело рук украинских спецслужб, которые каким-то образом пронюхали о нашем прибытии.

- А что, есть еще и хороший расклад? – удивился Костя.

- Смотря для кого...

- Для нас, разумеется.

Сунув в рот сигарету, Бондарь щелкнул зажигалкой и сказал:

- Надеюсь, ему просто крупно не повезло. Тормоза могли отказать при спуске с выключенным сцеплением. А еще таксист мог идти на третьей скорости, придерживая ногой тормозную педаль. Многие лихачи так поступают, сам знаешь. – Сделав несколько затяжек, он заключил: – Будем считать, что тормоза перегрелись и отказали на повороте.

- Почему ты отбрасываешь вероятность покушения? – спросил Костя.

- Потому что в этом случае мы обязаны поставить в известность начальство и позаботиться о спасении своих шкур, – проворчал Бондарь.

- А тебе не хочется?

- А тебе?

Некоторое время они смотрели друг на друга, а потом, не сговариваясь, перевели взгляды на дорогу, убегаящую вперед. Сходить с нее не хотелось. Поворачивать вспять – тем более. Если уж дорога выбрана, то надо идти по ней до конца, не так ли?

Глава 5

Оружие к бою!

– Сколько стоит эта малютка? – поинтересовался Костя, заглядывая Бондарю через плечо.

Тот закрыл крошечный ноутбук со встроенными звуковыми платами и ответил:

– Около двух тысяч долларов. Но самое ценное в этом компьютере – программа «AudioSpy» – «Аудиошпион». По сути, мы имеем в своем распоряжении уникальный прибор для записи и прослушивания восьми каналов одновременно. – Бондарь ласково погладил корпус ноутбука. – Хочешь – микрофоны устанавливай, хочешь – к телефонной линии подключайся, а можно и радиоволны улавливать, без проблем. К тому же программа позволяет обрабатывать и анализировать сделанные записи в цифровом режиме. Например, переводить их в текстовый формат.

– То есть если я, к примеру, скажу: «жопа», то компьютер это слово буквами запишет? – Восхищенный Костя щелкнул пальцами.

– Что-то в этом роде, – согласился Бондарь. – Лучшие умы человечества позаботились о том, чтобы сохранить твои высказывания для потомков. Правда, когда дикция оратора оставляет желать лучшего, происходят сбои. Ты можешь талдычить свое любимое словцо до посинения, а компьютер будет выдавать: «шепот», или «жаба», или еще какую-нибудь муру. Поэтому надежней прослушивать записи в аудиорежиме и записывать диалоги собственноручно.

– Ясенько, – протянул Костя. Его энтузиазм иссяк. Должно быть, он представил себя сидящим перед компьютером в наушниках, с ручкой наготове. Деятельность такого рода его не вдохновляла. Отвернувшись, он занялся пистолетами.

Бондарь же наскоро проверил комплектацию аппаратуры и остался доволен. Адаптер для подключения к телефонной линии и миниатюрные микрофоны с усилителями позволяли прослушивать разговоры любых интересующих людей. Лишь бы нашлись такие. Пока что единственной зацепкой поискового отряда являлась певичка Ариана Патрича, с которой поддерживал отношения Малютин. И сегодня вечером Бондарь намеревался присмотреться к ней и ее окружению как можно пристальнее. Спецслужбы частенько используют любовные связи как нити, благодаря которым любой человек превращается в управляемую марионетку. Что говорить о каком-то старпеме подводной лодки, когда на эту удочку попадают настоящие киты политики: министры, генеральные прокуроры, президенты.

– Главное – знать, *кого* ты собираешься подлавливать и на *чем*. Остальное – дело техники.

– Что? – окликнул его Костя.

Бондарь непонимающе уставился на него.

– Ты что-то сказал про технику, – пояснил Костя.

– Ну да, – буркнул Бондарь. – Техническая база в порядке. Как насчет арсенала?

Не объяснять же напарнику, что он начал заговариваться.

Его замешательство осталось незамеченным, потому что Костя был всецело поглощен осмотром оружия. Его руки так и порхали, разбирая пистолет. Нажав на защелку магазина, он извлек его из рукоятки, а затем занялся стволом.

– Новье, – прокомментировал он, после того как ствольная коробка была отделена от запирающего механизма. – Смазка заводская. Не произведено ни одного выстрела.

– Люблю эту систему, – признался Бондарь, беря второй пистолет.

Это был немецкий «люгер P08», отлично зарекомендовавший себя не только во время обеих мировых войн, но и в период так называемого мирного сосуществования, когда боеприпасы тратятся противниками гораздо экономнее, чем в ходе настоящих боевых действий.

Еще в 1893 году конструктор Хьюго Борхард получил патент на свой автоматический пистолет со сменным магазином в рукоятке. С этого же года пистолет стал выпускаться на том самом берлинском заводе, который штамповал «парабеллумы». Пять лет спустя инженер Георг Люгер существенно усовершенствовал конструкцию Борхарда, и на оружейном рынке появились пистолеты системы Люгера – Борхарда.

Очень скоро «люгеры» были приняты на вооружение во многих странах мира. Их выпускали с различными длинами стволов – от 10 до 20 сантиметров. Некоторые ранние модели оснащались автоматическим предохранителем на тыльной стороне рукоятки, а их запирающий механизм имел много общего с устройством пулемета «максим». В руках Бондаря находилась последняя модель «люгера», мало напоминающая свой древний прообраз. Оснащенный удобной рукояткой и удлиненным стволом, пистолет позволял вести прицельную стрельбу на дальность до пятидесяти метров и имел лишь один существенный недостаток: повышенную чувствительность к загрязнению.

О капризном нраве «люгера» поведал Костя, после чего добавил:

– Не зря говорят: что немцу хорошо, то русскому смерть.

– Говорят наоборот, – заметил Бондарь, присоединяя ствольную коробку к рамке.

– Как это: наоборот?

– *Что русскому хорошо, то немцу смерть.*

– И впрямь звучит лучше. Немцу – смерть. – Костя заулыбался. – Не люблю фрицев, веришь? Хотя американцы нравятся мне еще меньше. Вернее, совсем не нравятся. – Тут улыбка сползла с его лица, и он возмущенно воскликнул: – Эй, а где пэ–бэ–бэ–эсы?

Имелись в виду приборы для бесшумной беспламенной стрельбы, называемые в просторечии глушителями.

Бондарь пожал плечами:

– Обойдемся.

– Ты издеваешься? Севастополь, конечно, это еще то местечко, но все-таки не Чикаго тридцатых и не Москва девяностых. – Костя сокрушенно вздохнул. – Не станем же мы палить во всю ивановскую.

– Не станем, – подтвердил Бондарь.

– Какой же выход?

– Обрати внимание на модель «люгеров». Это тебе не «ноль-четвертые» девятого калибра, а «Пэ-ноль-восемь» с диаметром ствола 7,65 миллиметра.

– Ну и что? Полагаешь, что выстрелы из мелкокалиберных пушек звучат тише?

Не произнеся в ответ ни слова, Бондарь выложил на стол коробку с патронами.

– Ого! – Костя уважительно присвистнул. – Вот это я понимаю. Действительно, глушаки нам не понадобятся. Одна морока с ними.

* * *

Он знал, о чем говорил. Традиционные дульные устройства для заглушения звука выстрела имеют как положительные, так и отрицательные стороны, которых, по правде говоря, значительно больше. Во-первых, навинчивающийся глушитель увеличивает вес и габариты оружия. Во-вторых, он не позволяет сделать выстрел полностью бесшумным, лишь снижая звучание до уровня 120–130 децибелов. Однако при проведении некоторых операций предпочтительнее вообще не производить шума. Совсем.

Опыты по созданию полностью бесшумного оружия начались еще до Великой Отечественной войны, хотя наиболее совершенные образцы были сконструированы позднее. Во всех этих видах оружия, несмотря на конструктивные различия, использовался одинаковый прин-

цип глушения стрельбы. Он заключался в применении специальных боеприпасов, отсекающих и запирающих пороховые газы на выходе из гильзы.

Одной из первых новинок такого рода стал специальный 7,62-миллиметровый патрон СП-2, принятый на вооружение в середине пятидесятих годов. Десять лет спустя патрон был модернизирован и получил обозначение СП-3. По форме и размеру он смахивал на стандартный автоматный патрон для АК, но гильза «эспэшек» была несколько меньше, а пуля применялась тупоконечная.

Их существенным недостатком являлось малое поражающее действие. Поэтому был разработан более мощный патрон, СП-4, предназначавшийся для стрельбы из самозарядного пистолета ПСС. Стальная бутылочная гильза удлинилась до четырех с лишним сантиметров. Пуля превратилась в сплошной цилиндр из легированной стали, опоясанный медным пояском. Он-то и соприкасался с внутренней поверхностью канала ствола, сводя трение до минимума. Правда, прицельная дальность стрельбы сократилась до 25 метров, но зато с этого расстояния пуля СП-4 пробивала стальной шлем, как пробковый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.